„КЛАДЪ“

Журналъ
политики, общественной жизни, народнаго хозяйства,
науки, литературы
и свѣдѣній изъ практической жизни.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 книги въ годъ.

Книга 16-я—1907 г.

Изданіе А. А. Каспари.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издательство А. А. Каспари, Лиговская ул., соб. д., 114.

Графическое заведенiе «Родина» (А. А. Каспари),
Спб., Лиговская ул., соб. д. № 114.

Предъ третьей думой.

(Иллюстрація момента.)

Снова подходитъ то время, когда русскимъ гражданамъ—увы!—въ третій разъ менѣе чѣмъ въ два года, придется осуществить свои выборныя права, дарованныя ему великими актами 6-го августа и 17-го октября 1905 г.

Двѣ неудачи, послѣдовавшія одна за другой—двѣ неудачныя думы никоимъ образомъ не должны лишать русскихъ людей бодрости. Волей-неволей съ прошлымъ приходится мириться. Плохо вышло, но что-же подѣлать; ужъ слишкомъ было ново само дѣло, слишкомъ много озлобленія накопилось въ русскихъ сердцахъ и слишкомъ заманчивы были приманки, выставленныя т. наз. „лѣвыми", чтобы не попасться на удочку. Однако, кое-какое утѣшеніе есть налицо. Всякая неудача коечему учитъ. Уроки въ прошломъ были настолько внушительны, что было-бы грѣхомъ не воспользоваться ими. Прошлыя приманки такъ очевидны теперь, что врядъ-ли русскій избиратель снова попадется въ разставленные ему капканы. Тѣ, кто въ сентябрѣ и въ октябрѣ пойдутъ къ урнамъ, будутъ дѣйствовать сознательно. Они не отдадутъ своего голоса тому, въ чьей полезности для общаго великаго святого дѣла они не будутъ увѣрены. Вѣдь, русская пословица весьма опредѣленно говоритъ: „Обожжешься на молокѣ, будешь дуть и на воду"...

Однако, въ настоящее время наблюдается одно явленіе, которое можетъ повлечь за собой весьма нежелательныя послѣдствія. Если первые выборы ожидались каждымъ въ Россіи съ замираніемъ сердца, если 27-ое апрѣля 1906 г. представлялось какимъ-то свѣтлымъ праздникомъ, къ которому нужно было готовиться съ радостнымъ душевнымъ трепетомъ, если вторые выборы вызывали жгучій интересъ и безконечные толки, если двадцатое февраля текущаго года ожидалось съ величайшимъ любопытствомъ, то къ третьимъ выборамъ, къ предстоящему первому ноября, русское общество относится съ апатичнымъ равнодушіемъ. Думою какъ-будто совсѣмъ не интересуются,

какъ-будто ничего особеннаго въ предстоящемъ ноябрѣ мѣсяцѣ не предстоитъ.

Да, съ грустью приходится сказать, что по отношенію къ близкимъ выборамъ народныхъ представителей въ русскомъ народѣ замѣчается почти полное безразличіе.

Даже нѣсколько обиднымъ кажутся это равнодушіе, эта апатія. Неужели русское общество разувѣрилось въ думѣ, въ народномъ представительствѣ и не ждетъ отъ него ничего полезнаго для себя? Или, быть можетъ, идея народнаго представительства такъ уже вкоренилась въ душу русскаго человѣка, что выборы въ думу представляются ему дѣломъ совершенно обычнымъ, изъ-за котораго и волноваться особенно не стоитъ?

Признаться, послѣднее соображеніе, на нашъ взглядъ, гораздо сомнительнѣе перваго, но сказать, что именно происходитъ на самомъ дѣлѣ, мы съ увѣренностью не можемъ. Народъ въ своей массѣ является опять сфинксомъ и ставитъ новую загадку, рѣшеніе которой можетъ быть совершенно неожиданнымъ. Одно только вѣрно—это то, что въ сознаніи народныхъ массъ что-то происходитъ, совершается какой-то таинственный процессъ, и, чѣмъ онъ разрѣшится, ни одинъ хитроумный Эдипъ въ настоящее время не угадаетъ.

Должно сказать, что и существующія газеты тоже отражаютъ это общественное равнодушіе къ думѣ. За мѣсяцъ до прошлой выборной кампаніи онѣ пестрѣли множествомъ замѣтокъ о думѣ, о настроеніи избирателей, о вѣроятныхъ кандидатахъ въ выборщики. Теперь не то. Даже и сотня строкъ о думѣ появляется не во всякой газетѣ. Да и эта сотня строкъ—какая-то жидень, какая-то слякоть: вялый наборъ репортерскихъ фразъ безъ всякаго воодушевленія, безъ намека на какой-бы то ни было огонь. Печатаютъ отмѣтки, какъ необходимый балластъ, и, право, хроникѣ происшествій отводится болѣе мѣста, чѣмъ думѣ. Во всякомъ случаѣ это — симптомъ весьма знаменательный.

Въ партіяхъ, насколько можно судить по вялымъ и отрывочнымъ сообщеніямъ о ихъ дѣятельности, воодушевленіе и энергія тоже отсутствуютъ. Болѣе всего слышно о пресловутомъ союзѣ русскаго народа. Союзъ уже начинаетъ развивать свою дѣятельность, подготовляетъ ораторовъ, началъ кое-гдѣ агитацію, но въ немъ самомъ, въ его нѣдрахъ творится какъ-будто что-то неладное... Самъ по себѣ, по своей программѣ союзъ могъ-бы явиться и серьезной, и дѣльной парламентской партіей, но во главѣ его очутились люди весьма отрицательнаго значенія. Если „человѣкъ краситъ мѣсто“, то

онъ-же и портитъ его. Безшабашность пріемовъ руководителей, ихъ беззастѣнчивость, нетерпимость, самодовольство, склонность къ произволу и насиліямъ отвратили многихъ отъ союза и уронили его значеніе, какъ политической организаціи. Поэтому врядъ-ли на предстоящихъ выборахъ союзъ одержитъ верхъ надъ своими политическими противниками. Несомнѣнно, что въ третью думу нѣсколько его кандидатовъ пройдутъ, но это не будетъ побѣдой, а просто—случайностью, всегда возможной во время выборовъ.

Съ другой стороны, „лѣвые", по нашему мнѣнію, имѣютъ еще меньше шансовъ даже на тѣнь успѣха. Пѣсенки всякихъ эсъ-эровъ, эсъ-дековъ, энъ-эсовъ спѣты. Даже и „ка-деты лѣваго крыла" врядъ-ли на что могутъ расчитывать.

Да и всѣ вообще „крайніе", справа-ли, слѣва-ли, въ думѣ не только не будутъ преобладать, но, по всей вѣроятности, окажутся въ ничтожномъ меньшинствѣ—пройдутъ въ думу только по недоразумѣнію. Избиратели уже поприглядѣлись, что это за птицы и какихъ отъ нихъ можно ожидать пѣсенъ. Весьма прискорбно было-бы, если послѣ двоекратныхъ ошибокъ избиратель не разглядѣлъ воронъ подъ павлиньими перьями. Слишкомъ много было въ обѣихъ предшествовавшихъ думахъ болтовни и слишкомъ мало настоящаго дѣла, чтобы „крайнія вороны" еще разъ залетѣли въ Таврическія хоромы.

Благодаря новому выборному закону, могли-бы имѣть успѣхъ октябристы, но союзъ 17-го октября—въ политическомъ смыслѣ нѣчто мертворожденное. У него нѣтъ даже хорошаго организатора, который сумѣлъ-бы сплотить всѣхъ его членовъ въ единое цѣлое, подчинить ихъ дисциплинѣ, развить агитацію въ пользу кандидатовъ союза.

Несомнѣнно, эта агитація въ настоящую выборную кампанію будетъ болѣе трудна, чѣмъ въ предыдущія. Завоевать массы избирателей не легко. На это нужны и талантливые люди, и не малыя средства, а октябристы, среди которыхъ не мало тузовъ-капиталистовъ что-то не особенно раскошеливаются. Безъ средствъ-же трудно что-нибудь сдѣлать.

Болѣе другихъ могли-бы, по нашему мнѣнію, имѣть шансы на успѣхъ мирнообновленцы, если-бы... если-бы эта партія существовала не въ одномъ только воображеніи. Смерть гр. Гейдена нанесла этой партіи роковой ударъ. Исчезъ кристально чистый отъ всякаго нареканія, отъ всякаго упрека вождь, пропало знамя, около котораго могли группироваться единомышленники вождя. Ужъ не про эту-ли партію сказалъ

поэтъ „у счастливаго недруги мрутъ, у несчастнаго другъ умираетъ“...

Такъ какъ партія мирнаго обновленія на предстоящихъ выборахъ врядъ-ли будетъ играть какую-либо роль, то значительные шансы на успѣхъ пріобрѣтаютъ правые ка-деты и ка-деты центра. Несмотря ни на что, ка-деты остаются единственной тѣсно сплоченной, приспособившейся къ избирательной борьбѣ партіей. У нихъ, кромѣ сплоченности, есть энергія, воодушевленіе, вѣра въ успѣхъ ихъ дѣла, есть и даровитые вожди, и организаторы, и ораторы. Помимо всего этого, партія, несмотря ни на что, пользуется завидной популярностью въ массахъ, которыя, со своей стороны, вѣрятъ въ нее. Весьма возможно, что лѣвые октябристы и ка-деты праваго крыла составятъ въ третьей думѣ прочный центръ, который обезпечитъ ей продуктивную и плодотворную работу.

Конечно, не легко предугадать будущее, даже близкое, но страстно хочется и необходимо нужно для всей Россіи, чтобы дѣятельность третьей государственной думы была наиболѣе плодотворной. Слишкомъ многое нужно совершить для созданія новаго уклада жизни, масса законопроектовъ и дѣлъ ждутъ утвержденія и среди нихъ есть такіе, которые должны быть разрѣшены какъ можно скорѣе, чтобы не произошло замедленій въ работѣ государственнаго механизма.

Не слѣдуетъ забывать то, что въ третьей думѣ въ первую голову пойдетъ вопросъ о бюджетѣ. Это будетъ ея пробнымъ камнемъ. Существующее ассигнованіе на государственные расходы ежемѣсячно двѣнадцатыхъ частей изъ прошлогодняго бюджета—одна изъ главныхъ причинъ общаго оскудѣнія. Благодаря этому остановились многія предпріятія, около которыхъ ютились и кормились тысячи людей. Третьей думѣ необходимо какъ можно скорѣе вывести Россію изъ такого положенія, и если только русскіе избиратели выполнятъ свои обязанности съ полнымъ рвеніемъ, съ желаніемъ блага своей родинѣ, то несомнѣнно они пошлютъ въ думу достойныхъ великаго народа представителей, проникнутыхъ искреннимъ желаніемъ поработать надъ труднымъ дѣломъ, отдать ему всѣ свои силы. Но если этого опять не будетъ, то—увы!—придется принять, какъ истину, знаменитую фразу Е. И. Ламанскаго: „Мы не дозрѣли!“...

Въ такомъ видѣ рисуется намъ пережитый Россіей моментъ. Ближайшее будущее покажетъ, что на самомъ дѣлѣ готовитъ судьба нашей страдалицѣ-родинѣ.

Какъ-будто отрезвленіе.

Статья Н. Кононова.

Была-ли у насъ революція? То есть, было-ли что-либо серьезное въ томъ вихрѣ, который кружился надъ нашей родиной въ послѣдніе два съ половиной года? Теперь, когда какъ-будто-бы наступило успокоеніе—правда, неполное, но все-таки хотя какое-нибудь успокоеніе, — когда самъ иниціаторъ выборгскаго воззванія „генералъ“ В. Кузьминъ-Караваевъ находитъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, что „какъ война всегда обрастаетъ хищничествомъ всякаго рода и мародерствомъ, такъ революція наша обрасла преступностью, ничего не имѣющею общаго ни съ какими идеями, разнузданностью и хулиганствомъ. И какъ война партизанская сама въ себѣ носитъ зародышъ неуспѣха, поскольку неуловимы черты, разграничивающія причиненіе вреда воюющему врагу отъ разгула низменныхъ страстей, такъ разбившуюся на единичныя террористическія выступленія революцію сильнѣе правительственныхъ мѣръ дискредитируютъ грабежи, вымогательства и насилія подъ флагомъ экспропріацій и террористическихъ актовъ“,—и нѣсколько далѣе увѣщеваетъ, что „надо вернуться къ забытой терминологіи,—къ убійствамъ, различаемымъ не потому, что убиты городовой, стражникъ, шпіонъ или „рабочій на партійной почвѣ“, а, по старымъ признакамъ, на предумышленное, умышленное или въ запальчивости и раздраженіи. Надо выкинуть изъ обихода „экспропріацію“ и возстановить старыя понятія: разбой, грабежъ, кража. Надо возстановить обыкновенный судъ, обычныя кары“,—именно теперь весьма умѣстенъ такой вопросъ.

Въ самомъ дѣлѣ, была-ли у насъ революція? Намъ всегда казалось, что никакой революціи въ Россіи не было и долгое время еще быть не можетъ. Такъ, что-то такое плохо поддающееся опредѣленію: неразбериха, всеобщее разнузданіе, какое-то всеобщее брыканіе во всѣ стороны. Просто, знаете, вырвался теленокъ изъ-за загородки и ну метаться по своему лужку, метаться безъ смысла, безъ разумѣнія, а просто отъ того, что онъ непосредственно въ телячій восторгъ пришелъ. Да, да! Только и было, что телячій восторгъ въ эти два съ половиной года.

Всякаго шума было весьма много, а толка никакого... никакого толка, если только не считать, что народное пьянство увеличилось въ эти годы до поразительныхъ размѣровъ. Объ этомъ говорятъ цифры.

Петербургъ выпиваетъ теперь въ дни праздничнаго отдыха самое меньшее 180—200 ведеръ водки въ каждомъ трактирѣ, гдѣ добившіеся отдыха въ праздникъ господа обыкновенно проводятъ свое время.

Но не одинъ Петербургъ можетъ похвастаться своимъ пьянствомъ, разведеннымъ „святою революціей". Увѣряютъ, напримѣръ, и увѣряютъ, ссылаясь на цифры, что Поволжье все спилось. Одна Нижегородская губернія выпила водки на 10.000.000 рублей. То-же происходило въ Казанской, Самарской и другихъ „голодныхъ" губерніяхъ. Какой-нибудь крошечный городокъ Васильсурскъ (менѣе 4 тыс. жителей) выпилъ въ 1906 г. водки на 120 тысячъ. Подгородная слобода Хмѣлевка (менѣе 1 тыс. жителей), обнищавшая въ послѣдніе годы (вслѣдствіе закрытія писчебумажной фабрики), вылакала за годъ водки на 27 тысячъ!.. И изо всѣхъ мѣстъ Поволжья идутъ указанія, что вездѣ народъ „страшно пьетъ"... Поволжье—только частица Россійской имперіи и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что „Русь-матушка" въ одинъ только второй годъ своей „святой революціи", т. е., въ 1906 г., по даннымъ акцизнаго вѣдомства, „вылакала" водки на 700.000.000 рублей.

Въ то-же самое время всякая остальная промышленность и торговля страшно упали. Стало быть, кому-же оказалась на пользу „святая революція"? Да однимъ только кабатчикамъ!

Скажутъ, что прибыль отъ всей массы этого зелья осталась въ казнѣ, потому что въ Россіи „монополія" и недавно еще большимъ успѣхомъ пользовалась пѣсенка: „Вся Россія торжествуетъ, Витте въ ней виномъ торгуетъ". Но Россія несомнѣнно болѣе выиграла-бы, если-бы „не торжествовала" по такому поводу, а работала. Вѣдь, это — старая, какъ міръ, истина, что на торговлѣ и промышленности зиждется благосостояніе государства, а чтобы промышлять и торговать, нужна трезвость. Пьяный не работникъ. Онъ только и помышляетъ о томъ, чтобы „торжествовать", и въ результатѣ общій страшный упадокъ, общее обнищаніе, десятки тысячъ такъ назыв. „безработныхъ", а о послѣднихъ вотъ слова все того-же генерала Кузьмина-Караваева, воскликнувшаго не безъ горечи въ тѣхъ-же „Русскихъ Вѣдомостяхъ" о нищихъ „до революціоннаго періода": „Теперь они уже не нищіе, не зимогоры, а

„безработные“, что, впрочемъ, имъ не мѣшаетъ быть все тѣми же постоянными покупателями „сотокъ“ и „двухсотокъ“, окружающими „казенки“. Лазаря они уже рѣдко тянутъ, а больше все бодро поютъ „Вставай, подымайся, рабочій народъ“, и другія революціонныя пѣсни. Объектъ воздѣйствія съ ихъ стороны—уже не чувство жалости. Они дѣйствуютъ на иныя струны человѣческаго сердца,—главнымъ образомъ, на страхъ, и потому не столько просятъ, сколько требуютъ, откровенно разсматривая поданную монету или вынесенный по деревенскому обычаю кусокъ хлѣба. Если считаютъ, что дано мало, переходятъ на угрозы, пересыпанныя бранью. Въ угрозы неизмѣнно вставляютъ политическую нотку,—помѣщику намекнутъ на кровопійство и на отобраніе земли, зажиточному крестьянину—на близкое торжество пролетаріата, всѣмъ вообще—на „краснаго пѣтуха“.

Приходится только радоваться, читая такія разсужденія „генерала съ краснинкой“. Недавно еще г. Кузьминъ-Караваевъ тянулъ совсѣмъ иныя пѣсни, и если онъ теперь запѣлъ на такой ладъ, то это значитъ, что и ему не въ моготу пришлось; это значитъ, что и онъ, наконецъ, прозрѣлъ и у него открылись глаза на то, что было очевидно: никакой революціи въ Россіи не было, а была очень скверная смута, и только.

Революція прежде всего побѣдна, потому что она стихійна; вѣдь, со стихіей борьба невозможна. Потомъ революція по самому своему существу—явленіе вполнѣ нормальное, здоровое: вѣдь, революція—это только ускоренная эволюція. Само это ускореніе свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что въ массѣ накопились и преобладаютъ единицы, для которыхъ установленныя рамки жизни слишкомъ тѣсны, и для того, чтобы эти преобладающія единицы могли существовать, эти рамки должны быть раздвинуты. Раздвиженіе этихъ рамокъ для преобладающихъ массъ—это вопросъ жизни и смерти. Удастся имъ раздвинуть ихъ—онѣ останутся жить, не удастся—погибнутъ... Такъ какъ въ данномъ случаѣ дѣйствуютъ скопомъ преобладающія массы, то неудачи быть не можетъ. Онѣ всегда возьмутъ свое, оттого дѣйствительная революція всегда побѣдна. А у насъ? Гдѣ у насъ эти побѣды? Въ чемъ? Неужели въ возможности пропивать по 700.000.000 рублей и болѣе ежегодно? Кажется, пропитіе этой колоссальной суммы—единственный до сихъ поръ результатъ „святой революціи“...

Наконецъ, всякая революція всегда имѣетъ болѣе или менѣе опредѣленныя задачи. Говорятъ, что наша „святая революція“ происходила на почвѣ борьбы съ капиталомъ, заѣдающимъ

трудниковъ. Бросьте, пустое! Изъ того, что допившіеся до зеленаго змія „виттевскіе братцы“ въ теченіе двухъ лѣтъ вопили: „Нашимъ потомъ жирѣютъ обжоры и послѣдніе соки въ насъ пьютъ“, говоритъ объ этомъ преждевременно; никакой борьбы труда съ капиталомъ не было и въ поминѣ. Была борьба за капиталъ, за его возвеличеніе, усиленіе, за его ростъ и для успѣха этой борьбы явилось полное содѣйствіе „виттевскихъ братцевъ“. Только и всего. Такъ наз. пролетаріатъ ратоборствовалъ не противъ капитала, а за капиталъ и шелъ съ нимъ въ этой борьбѣ рука объ руку...

— Два года тому назадъ,—говорилъ пишущему эти строки одинъ весьма наблюдательный собесѣдникъ, по своему положенію близкій къ массамъ заводскаго и фабричнаго люда, — весьма легко было достать капиталъ изъ шести процентовъ, а теперь онъ къ вамъ меньше какъ изъ десяти не пойдетъ, да и то еще потребуется вѣрнѣйшее обезпеченіе. Вотъ что надѣлали всѣ эти забастовки, все это рабочее броженіе. Рабочіе, выступая съ борьбою противъ капитала и громко заявляя объ этомъ, даже не дали себѣ труда подумать, кто на самомъ дѣлѣ является капиталистомъ. Въ ихъ глазахъ капиталистомъ являлся тотъ, кто имъ платилъ деньги за ихъ работу, т. е., хозяинъ того дѣла, въ которомъ они работали. Но развѣ это—капиталистъ? Въ Россіи не найдется десятка такихъ хозяевъ дѣла, которые давали-бы на него одинъ капиталъ, отстранившись отъ всякаго личнаго участія въ немъ. Человѣка-же, который трудится въ дѣлѣ, затрачиваетъ свою энергію, который изворачивается во всѣ стороны, чтобы добыть для него обезпечивающія его средства, капиталистомъ назоветъ развѣ только абсолютный невѣжда.

А, между тѣмъ, именно противъ такихъ „капиталистовъ“ и направлены были всѣ удары „виттевскихъ братцевъ“. Они, что только у нихъ было силы, били по хозяевамъ и хозяйчикамъ, разорили множество предпріятій, другими словами, зарѣзали курицу, несшую имъ хоть какія-нибудь яйца, и что-же они выиграли? Возможность пьянствовать по воскресеньямъ? Печальный трофей побѣды! Изъ-за него какъ-будто и не стоило-бы огородъ городить. Что-же еще?

Сейчасъ послѣдуетъ весьма вѣское возраженіе: какъ что? А повышеніе заработной платы! Развѣ это—не побѣда, не трофей побѣды?

Вовсе нѣтъ! это—призракъ, это—жалкій миражъ... Да, заработная плата повысилась и кое на чемъ даже значительно, но что-же изъ этого? Вѣдь, одновременно съ этимъ цѣны поло-

жительно на все вздулись до небывалыхъ размѣровъ. Все стало дороже, даже хлѣбъ насущный. Если прежде рабочій, получая въ мѣсяцъ, положимъ, 15 рублей, кое-какъ могъ существовать, то теперь онъ то-же самое существованіе влачитъ, оплачивая его 25 рублями. Эти цифры, конечно, примѣрны, но сравненіе безусловно вѣрно. Добившись кое-чего въ смыслѣ повышенія заработка, рабочій все, чего добился, потерялъ на дороговизнѣ да, кромѣ того, потерялъ онъ еще весьма многое отъ уменьшенія количества мѣстъ, гдѣ онъ могъ-бы эксплоатировать свою силу, свой трудъ. Съ одной стороны, позакрылись нѣкоторые заводы и фабрики или, сокративъ свое производство, вслѣдствіе уменьшенія спроса на продукты этого производства, поневолѣ должны были сократить штаты рабочихъ, а съ другой—предприниматели поспѣшили и спѣшатъ, гдѣ только мало-мальски возможно, обзавестись машинами, которыя, работая болѣе совершенно, чѣмъ прежнія, или являясь новинкою, замѣняющею ручной трудъ, даютъ возможность вести производство болѣе дешево и сокращаютъ количество рукъ, которыя были потребны ранѣе для того-же производства. Значитъ, опять рабочіе въ потерѣ. Да къ тому-же капиталъ, который приходится затрачивать на новыя машины, не остается въ Россіи, такъ какъ большинство усовершенствованныхъ машинъ, за отсутствіемъ ихъ изготовленія въ Россіи, приходится выписывать изъ-за границы, переводя туда русскія деньги. Вотъ тебѣ и „голодай, чтобъ они пировали“. Кто въ проигрышѣ-то? Кажется, объ этомъ и говорить не приходится...

А почему-же это? Да потому что хоть „не боги горшки обжигаютъ“, но ко всякому дѣлу нужно приступить съ разумѣніемъ, съ подготовкой, умомъ раскинуть, постараться заглянуть въ будущее и поразмыслить, что выйдетъ изъ того или другого шага. Это очень легко орать въ алкоголическомъ трансѣ: „Водрузимъ надъ землею красное знамя труда“, да не такъ-то легко продѣлать все это на дѣлѣ. Широкія глотки, пожалуй, хороши только на митингахъ, резолюціи которыхъ никогда, никѣмъ и нигдѣ въ серьезъ не принимаются, а при настоящемъ дѣлѣ широкая глотка столь-же вредоносна, какъ и зазвонистая, но не имѣющая подъ собою почвы, фраза.

Между тѣмъ, на эти двѣ приманки капиталъ и поймалъ трудъ. Капиталъ-же никогда не революціоненъ, а такъ какъ въ данномъ случаѣ побѣда безусловно на его сторонѣ, то ясно, что никакой революціи не было; со стороны капитала была своего рода коммерческая операція, а всероссійскіе умственные недоноски, вообразивъ себя великими политическими

дѣятелями, стремглавъ влетѣли въ разставленныя имъ западни—влетѣли и засѣли тамъ, запутавшись по-уши.

Кто знаетъ, что еще скажетъ потомству исторія. Ничего не будетъ мудренаго, если она, безстрастная и безпристрастная, сорветъ маски съ кое-кого изъ „отцовъ святой революціи", а эти „отцы", оказавшись прежде всего дѣтьми не особенно чистоплотнаго животнаго, предстанутъ въ освѣщеніи исторіи лакеями капитала, а никакъ не вождями борьбы съ нимъ.

Въ началѣ этихъ строкъ сказано было, что въ современной Россіи замѣтно кое-какое успокоеніе. Пожалуй, что это не совсѣмъ такъ. Есть слово, болѣе опредѣляющее положеніе даннаго момента, не успокоеніе—а отрезвленіе, вотъ что замѣтно. Угаръ какъ-будто начинаетъ проходить. На разныхъ „максималистовъ" общество перестаетъ смотрѣть, какъ на героевъ, и начинаетъ видѣть въ нихъ то, чѣмъ они являются и на самомъ дѣлѣ: разбойниковъ и грабителей. Такой взглядъ—большой шагъ къ успокоенію и даетъ надежду на то, что, можетъ быть, хотя теперь удастся собрать „умную думу", которая сумѣетъ примирить народъ съ властью, вѣрнѣе—съ агентами власти, сумѣетъ представить Россію такой, какова она на самомъ дѣлѣ, т. е., не стремящейся непремѣнно къ бунту, смутѣ, а жаждущей мирнаго благотворнаго труда. Дай Богъ, чтобы это было такъ! Пора русскимъ массамъ отрезвиться, образумиться, пора оставить „телячьи восторги" и начать жить дѣйствительно сознательною жизнью. Всѣхъ пустозвоновъ не переслушать, точно такъ-же, какъ не выпить океановъ заготовляемаго на винокурняхъ алкоголя. Отрезвленіе во всѣхъ смыслахъ необходимо и, если оно дѣйствительно наступаетъ,—слава Богу!

На новомъ пути.

Буря уносится вдаль безъ возврата—
Эхо громоваго слышно раската,
Только не страшенъ тотъ громъ!
Солнце, что скрылось при натискѣ бурномъ,
Снова блеснуло на небѣ лазурномъ—
Смѣло впередъ мы идемъ!
Смѣло впередъ, забывая раздоры,
Блещутъ надеждою радостной взоры,
Дышитъ привольно усталая грудь!
Все позабыто, что такъ угнетало:
Трудно лишь было былое начало,
Будетъ зато безъ запинокъ нашъ путь.

А. Лавскій.

Довольно крови!

Статья Н. Владимірова.

«Возврати мечъ твой въ его мѣсто; ибо всѣ, взявшіе мечъ, мечомъ погибнутъ». Св. Евангеліе отъ Матѳея. Глава 26. Стихъ 52.

Тяжелое, кошмарное время переживаетъ наша родина. Время ломки обветшалыхъ формъ государственнаго строя, переоцѣнки всѣхъ цѣнностей до человѣческой крови включительно... Тяжелое, кошмарное время!..

Старое отжило, ломается, но взамѣнъ его не возникаетъ ничего положительнаго новаго. Къ изъянамъ прошлаго прибавились ужасы настоящаго и впереди не видать просвѣта, мало надежды на свѣтлое будущее.

Тревожные думскіе дни миновали. Дума умерла, съ нею исчезла и надежда на возможность близкаго успокоенія родины. Стрѣлка часовъ народнаго представительства временно остановилась, но другая «стрѣлка» кошмарной дѣйствительности непреклонно продолжаетъ свое движеніе, ведя за собой новые ужасы, новыя невзгоды.

Страна переживаетъ новый періодъ междудумья. Работа по обновленію родины замерла. Предвыборная страда еще не началась, хотя партійная агитація, очевидно, уже дѣйствуетъ. Будущее рисуется туманно. Настоящее скрыто; по крайней мѣрѣ на поверхность русской жизни не всплываетъ ничего положительнаго.

Вы, читатель, очевидно, слѣдите за газетами, вчитываетесь въ нихъ. Не, правда-ли, сейчасъ нѣтъ ничего новаго, все какъ-то неопредѣленно, сѣро, буднично? Во всѣхъ газетныхъ отдѣлахъ трудно найти что-либо, что давало-бы поводъ надѣяться на просвѣтъ въ будущемъ. Всѣ газетные отдѣлы блѣдны, малосодержательны. Всѣ, за исключеніемъ одного «новаго» отдѣла, которому болѣе всего подходитъ заголовокъ «хроника крови». О, этотъ отдѣлъ чрезвычайно богатъ злободневными новинками. Въ этомъ «отдѣлѣ» наблюдается перепроизводство «матеріала». Жизнь, наша кошмарная, тяжелая жизнь усердно заполняетъ отдѣлъ

«хроники крови» собщеніями о новыхъ убійствахъ, грабежахъ, казняхъ.

Нѣтъ, кажется, такого уголка въ Россіи, гдѣ ежедневно не проливалась-бы... человѣческая кровь... Кровь льется, брызжетъ фонтаномъ. Кровь обезцѣнена, пролитіе ея стало болѣе чѣмъ заурядным явленіемъ...

Убиваютъ изъ-за угла, убиваютъ среди бѣла дня на люднѣйшихъ улицахъ городовъ, убиваютъ «по закону» за городской чертой. Страшное, позорное, тяжелое время!

Пролитіе крови стало заурядным явленіемъ въ русской жизни. Какъ это ни дико, какъ ни нелѣпо, но... но взрывы бомбъ, подвиги экспропріаторовъ, выстрѣлы—уже не вызываютъ того остраго ужаса, какой наблюдался въ первые дни «всероссійской бойни». Для того чтобы «поразить» обывателя, нужны особые «эффекты», онъ пережилъ такіе ужасы, что современность его мало страшитъ, мало волнуетъ. Въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ предъ нашими глазами прошли такіе ужасы, такія сцены колоссальныхъ человѣческихъ боенъ, что единичныя убійства проходятъ почти незамѣченными. Нервы притупились. «Страшное» стало обыденнымъ. Ужасы жизни выработали какое-то тупое равнодушіе къ пролитію крови, а само это «пролитіе» совершается удивительно просто и цинично.

Убиваютъ не подъ вліяніемъ личной злобы, не ради идеи, даже не ради особыхъ выгодъ, нѣтъ; теперь стали убивать «такъ», просто потому, что «убить хочется».

Убійства стали совершаться безъ расчета, безцѣльно. Часты стали случаи такихъ убійствъ, когда убійца совершенно не знаетъ, чью кровь и за что онъ пролилъ. Наряду съ этимъ возникло какое-то тупое безличіе не только къ чужой, но и своей жизни. Убивая другихъ, современные убійцы не жалѣютъ своей крови... Сколько политическихъ и частныхъ грабежей сопровождается самоубійствомъ, сколько смертей у «химиковъ-бомбистовъ», сколько вообще самоубійствъ... Ужасъ, ужасъ!..

Наблюдается какое-то стихійное, безсмысленное отвращеніе къ жизни—чужой, своей и общественной. Народился особый типъ «жаждущихъ крови ради крови», стремящихся къ убійству ради убійства. Сперва кровь, а потомъ уже и цѣль, а если кровь пролилась безцѣльно—все равно: ни раскаянія, ни брезгливости убійство не вызываетъ у «дѣятелей».

«Отчеты» объ убійствахъ примелькались, они уже не

производятъ на читателя «остраго» впечатлѣнія; они стали стереотипны, безцвѣтны, обыденны. Въ послѣдніе полгода въ «хроникѣ крови» не появилось ничего настолько выдающагося изъ ряда ежедневныхъ ужасовъ, что заставило-бы особенно вздрогнуть обывателя...

Но вотъ въ концѣ іюня въ «хронику крови» попало «нѣчто» новенькое, «нѣчто» настолько циничное и смрадное, что на время обдало холодомъ ужаса ко всему привычнаго обывателя. Я говорю о «классической» исповѣди современнаго «политическаго борца», объ исповѣди «типичнаго» убійцы, «нѣкоего» юноши Федорова, которая облетѣла всѣ газеты, всѣ періодическія изданія и въ которой такъ-же мало смысла и раскаянія, какъ много ужаса и человѣческаго паденія.

28-го мая текущаго года въ конспиративную квартиру петербургскаго отдѣла соціалъ-революціонеровъ явился крайне взволнованный субъектъ и заявилъ, что «отдается въ руки партіи», какъ совершившій ошибочное (!) убійство бывшаго депутата Іолосса. Онъ, извольте видѣть, былъ введенъ въ заблужденіе вѣроломнымъ «товарищемъ» Казанцевымъ (тоже нынѣ приконченнымъ), указавшимъ ему на Іолосса, какъ на вреднаго «черносотенца»...

Федоровъ давно «мечталъ» убить кого-либо «ради политики». Онъ—«лѣвый» и настолько «сознательный», что изъ всей великой идеи свободы усвоилъ только одно ему наиболѣе близкое и понятное представленіе «о правѣ убійства». Ему не было дѣла не только до цѣлей той или иной партіи, ему было совершенно безразлично, кого убить, лишь-бы только была намѣчена и указана жертва. Этотъ «типъ» болѣе трехъ лѣтъ ждалъ «случая», ждалъ «порученія». Наконецъ, судьба свела его съ Казанцевымъ, который, пользуясь полной политической безграмотностью своего новаго «товарища», совмѣстно съ нимъ неудачно покушался на жизнь графа Витте и убилъ Іолосса рукой Федорова. Разумѣется, эта рука не дрогнула ни во время совершенія подлаго, безсмысленнаго убійства изъ-за угла, ни послѣ... Убилъ и почувствовалъ удовлетвореніе. Убилъ и не задумываясь пошелъ-бы на новое «дѣло», какъ вдругъ случайно узналъ, что убитый—совсѣмъ не «черносотенецъ», а само убійство—«черносотенное». Первымъ дѣломъ для Федорова, по обнаруженіи обмана со стороны Казанцева, было убійство «товарища». И онъ его совершилъ такъ-же подло и вѣроломно, какъ подло и вѣроломно было

предательство Казанцева. Совершивъ новое убійство (уже болѣе «сознательное»), Федоровъ пришелъ къ революціонерамъ сообщить о своемъ «убійствѣ по недоразумѣнію», сообщилъ и ждалъ, что его самого убьютъ. Но этого убійства не послѣдовало. «Партія», наоборотъ, отнеслась къ нему весьма сочувственно, сняла показаніе, которымъ и воспользовалась для обличенія «преступной дѣятельности черносотенцевъ»... «Лѣвые» революціонеры, конечно, остались довольны, что имъ удалось раскрыть убійство, совершенное «правыми».

Нѣсколько спустя въ «Руси» появилось еще одна весьма своеобразная «Моя исповѣдь». Въ «показаніи» Федорова встрѣчается фамилія Иванова, тоже «увлеченнаго» Казанцевымъ на путь убійствъ. Этотъ Ивановъ участвовалъ въ кровопролитіяхъ, подстрекаемый, по собственному признанію, все тѣмъ-же Казанцевымъ. Въ своей «исповѣди» онъ, находясь, по всей вѣроятности, теперь въ безопасности, открываетъ свое настоящее имя и оказывается Семеномъ Петровымъ, бывшимъ членомъ совѣта рабочихъ депутатовъ, т. е., того самаго самозваннаго «правительства соціалъ-демократіи всероссійской», которое осенью 1905 г. едва не захватило власти въ свои руки...

«Подумаешь, какой магъ и волшебникъ покойный Казанцевъ!—совершенно справедливо восклицаетъ по этому поводу «Свѣтъ»,—хорошо, что еще онъ не добрался до Хрусталева-Носаря и Бронштейна, а то онъ перваго заставилъ-бы убить Іолосса, а второго написать поздравительное, по случаю дня ангела, письмо іеромонаху Иліодору. Если-бы г. Бронштейнъ заспорилъ и сталъ-бы говорить, что іеромонахъ Иліодоръ—черносотенецъ, то Казанцевъ сказалъ-бы: «нѣтъ, это онъ такъ. Онъ такъ-же, какъ мы съ тобой, Ицко, максималистъ!»—и г. Бронштейнъ исполнилъ-бы волю Казанцева».

Теперь, когда какъ-будто наступаетъ отрезвленіе, страшно подумать, какую скверную слизь, какіе подонки и отбросы выбросило на поверхность взбаламученное русское болото. Ни одного сколько-нибудь свѣтлаго дѣятеля на пользу народную, только убійцы, разбойники, грабители, мошенники. Брр... Избави Богъ Россію поскорѣе отъ страшнаго чада, заполнившаго бѣдныя русскія головы!

Обличеніе «правыхъ» ихъ врагами «лѣвыми» чрезвычайно характерно, такъ какъ указываетъ, что, собственно говоря, средства «крайнихъ партій» совершенно оди-

наковы. И тѣ, и другіе, преслѣдуя разныя цѣли, не пренебрегаютъ ни сыскомъ, ни доносомъ, ни убійствомъ. Трогательное и поучительное сходство—не правда-ли, читатель?

Въ отдѣлѣ «хроники крови» вся эта «исторія» является, безспорно, сенсаціонной гнусностью. Гнусны убійства, гнусна личность Федорова, но еще гнуснѣй дѣятельность тѣхъ партій, которыя пользуются услугами такихъ «сознательныхъ» людей, какъ онъ.

Вѣдь, какъ ни старались гг. «лѣвые революціонеры» очернить «черныхъ»—сами они въ этой «исторіи» являются нисколько ни краше, ни порядочнѣе обличаемыхъ. Вѣдь, Федоровъ только случайно убилъ «лѣваго», вѣдь, онъ-же считалъ себя «лѣвымъ», и не его вина, что его подвели «черносотенцы». Вѣдь, попади онъ раньше въ «конспирацію»—она навѣрно воспользовалась-бы его предложеніемъ «прикончить какого-либо черносотенца». Да, наконецъ, такъ или иначе хотя-бы для «обличенія», гг. «лѣвые» не побрезговали воспользоваться Федоровымъ...

И страшно, и противно, и омерзительно, когда вдумаешься въ эту «исторію», когда поймешь, что вожаки и дѣятели современной революціи—тѣ-же Казанцевы, тѣ-же Федоровы. Гг. «лѣвые» и «правые» революціонеры—безпринципное «сознательное» стадо. И вотъ, благодаря дѣятельности подобныхъ «борцовъ», подобныхъ партій, создалась «хроника крови», столь обильная, что существованіе ея стало привычнымъ и мало затрагиваетъ нервы обывателя.

Но «исповѣдь»—характерна. Мало того, само ея появленіе должно привѣтствовать, такъ какъ опубликованіе ея «лѣвыми», Богъ дастъ, поможетъ населенію разобраться въ оцѣнкѣ «борцовъ» и ихъ «партій», дѣйствующихъ сейчасъ въ русской жизни противъ жизни... Кто знаетъ, можетъ быть, эта «исповѣдь» откроетъ глаза населенія на смыслъ и характеръ «крайнихъ» партій; можетъ быть, населеніе, хотя и поздно, пойметъ, какія цѣли должно преслѣдовать народное представительство и на предстоящихъ выборахъ проведетъ въ думу такихъ избранниковъ, которые прежде всего и безотносительно осудятъ всякое кровопролитіе. Ни первая, ни вторая думы не рѣшились выразить осужденія братоубійству. Въ этомъ ихъ роковая ошибка, въ этомъ ихъ преступленіе предъ народомъ.

Въ дни первыхъ парламентовъ, при чтеніи газетъ, не-

вольно напрашивался вопросъ: скоро-ли, скоро-ли народъ пойметъ весь ужасъ, все безобразіе человѣкоубійства? Съ лихорадочнымъ вниманіемъ, съ нетерпѣніемъ ждешь, бывало, отъ народнаго представительства рѣшительнаго осужденія убійствъ и... узнаешь, что тактика дороже крови...

Острый вопросъ объ осужденіи убійствъ откладывался, такъ какъ дума не желала выдвигать другой острый вопросъ—объ отмѣнѣ смертной казни, могшій за собою повлечь «роспускъ» представительства. Не разъ въ печати проскальзывала жуткая идея: порицаніе политическихъ убійствъ возможно лишь при отмѣнѣ смертной казни. Значитъ, прежде чѣмъ осудить эти убійства, необходимо добиться отъ правительства извѣстной уступки, необходимо поторговаться съ нимъ... о крови...

Не знаю, какъ на васъ, читатель, а на меня подобная тактика производила крайне отрицательное впечатлѣніе. Я не знаю, кто изъ болѣе или менѣе сознательныхъ, разумныхъ людей можетъ стоять за сохраненіе смертной казни. Существованіе ея—явленіе, безспорно, крайне тяжкое. Сами эти два слова: «смертная казнь», вызываютъ въ умѣ представленіе о страшномъ насиліи не только надъ сознаніемъ человѣчества, но и надъ его природой. Но, вѣдь, справедливо и то, что смертная казнь есть только частность того противоестественнаго явленія, которое называется убійствомъ.

Необходимо различать два понятія—народъ и правительство. Первый въ массѣ долженъ стоять всегда выше, въ смыслѣ идеализма, выдвинувшихся изъ его среды и захватившихъ власть представителей правительства. У народа должна быть совѣсть, выработанные вѣками идеалы, у правительства они могутъ и отсутствовать. Народъ вѣченъ—правительство преходяще... Исторія даетъ массу примѣровъ того, что правительство не разъ попирало человѣческія права, не скупясь брызгало народною кровью. Вспомните Ирода, въ одинъ годъ истребившаго 40.000 младенцевъ ради одного мнимаго конкуррента его власти. Вспомните нашего Іоанна Грознаго. Вѣдь, «избіеніе младенцевъ» не повлекло за собою рѣзни въ иродовомъ государствѣ, вѣдь, казни Іоанна не ознаменовались тѣмъ, что братъ пошелъ съ ножомъ на брата. А, вѣдь, тогда человѣчество было дико, при Иродѣ не было еще произнесено великихъ словъ любви и всепрощенія тщетно разыскиваемымъ имъ «Царемъ іудейскимъ»... При Іоаннѣ ни о какомъ гуманизмѣ наши предки

и не слыхивали, но братъ не шелъ на брата. Была опричнина—разбойничья дикая шайка, не брезговавшая ни грабежомъ, ни убійствомъ, но ея «подвиги» не соблазнили народа, не положили на него каиновой печати братоубійства.

Исторія наглядно показываетъ, что нѣтъ на свѣтѣ ни одного народа или племени (даже среди полудикихъ кочевниковъ), который не цѣнилъ-бы человѣческой крови и въ своей массѣ не былъ-бы противникомъ убійства.

Народъ и правительство—два различныя понятія... Почему-же теперь у насъ, въ Россіи, когда рознь между двумя элементами государства—народомъ и правительствомъ—обнаружилась во всей полнотѣ, когда правительство носитъ чрезвычайно случайный характеръ, наблюдается такая дружная, возмутительная человѣческая бойня? Казалось-бы, что пролитіе крови, допустимое правительствомъ изъ политическихъ соображеній, должно было-бы встрѣчать осужденіе, негодованіе въ народѣ, борьбу, но не пролитіе крови. Казалось-бы, что проповѣдь крайнихъ лѣвыхъ о всеобщемъ экономическомъ равенствѣ, о свободѣ и независимости личности въ самой основѣ должна была-бы отрицать убійства. На дѣлѣ «свобода» покупается дорогой цѣной человѣческой крови. «Братство» строится на... человѣческихъ трупахъ. Великія слова Спасителя, приведенныя эпиграфомъ къ настоящей статьѣ, забыты. Безнравственности принципа смертной казни противопоставляются политическія убійства. Смертная казнь вызываетъ и въ населеніи, и въ литературѣ осужденіе—убійства, грабежи какъ-будто оправдываются. Отцы церкви крайне оригинально относятся къ пролитію крови. Одни—сторонники правительства—осуждаютъ политическія убійства, но признаютъ необходимость сохраненія смертной казни, другіе—освободители,—порицая смертную казнь, обходятъ молчаніемъ убійства.

До сихъ поръ не раздалось пастырскаго слова, порицающаго вообще пролитіе крови. «Отцы» служатъ идеямъ, чаще лицамъ, но совершенно забываютъ свое великое назначеніе быть проповѣдниками въ народныхъ массахъ ученія Божественнаго Искупителя. Народные избранники должны, не считаясь съ лицами и политикой, высказать рѣшительное принципіальное порицаніе пролитію крови.

Я не могу себѣ даже и представить народъ настолько развратившимся, чтобы ему не претила кровь. Вѣдь, не можетъ-же быть, чтобы въ двадцатомъ вѣкѣ христіанское го-

сударство (говорю о массѣ населенія) мирилось съ братоубійствомъ. Нѣтъ, народъ не можетъ быть убійцей... Отчего-же не высказали этого, не крикнули на весь міръ его избранники?

Получается нелѣпая картина колоссальнѣйшаго недоразумѣнія, когда вникнешь въ современныя событія. Люди, совершенно одинаковые по человѣческой и племенной природѣ, искусственно раздѣлились на два враждующихъ лагеря. Борьба за человѣческое право, за свободу идетъ рука объ руку съ убійствомъ, допускаемымъ обѣими сторонами. Убійство однихъ встрѣчаетъ негодованіе среди другихъ, но въ сущности происходитъ только обмѣнъ человѣческихъ жертвъ. Убиваютъ правительственнаго чиновника—правительство и его сторонники ищутъ убійцу и, найдя его... тоже убиваютъ. Взамѣнъ этого убійства совершаются новыя и обмѣнъ человѣческой крови происходитъ изо дня въ день, почти ежечасно.

Поборники свободы, не стѣсняясь, устраняютъ со своего пути мѣшающихъ ихъ цѣли сановниковъ и даже низшихъ служащихъ правительства. Мало этого, они во имя экономическаго равенства захватываютъ, отбираютъ, грабятъ у правительства матеріальныя средства, необходимыя яко-бы для освободительной борьбы, причемъ совершаютъ убійства невинныхъ, преданныхъ своему долгу, честныхъ людей.

Возьмите всѣ эти такъ называемыя политическія экспропріаціи. Вѣдь, это-же—ни болѣе, ни менѣе, какъ грабежъ, какъ подлое убійство. Какими высокими задачами можно оправдать убійство солдата, честно исполняющаго свой долгъ при защитѣ казеннаго имущества? Какъ можно примирить идею братства съ убійствомъ семейнаго чиновника, не подчинившагося дикому требованію «руки вверхъ», но защищающаго не правительственные интересы, а средства тѣхъ бѣдняковъ, касса которыхъ ввѣрена его защитѣ и сохраненію? Наконецъ, какъ оправдать бомбометаніе, жертвою котораго падаютъ не только опредѣленный слуга и выразитель правительственнаго режима, но и малолѣтнія, случайно подвернувшіяся дѣти?

Некрасовъ сказалъ: «борьба жертвъ искупительныхъ проситъ», но, вѣдь, не такую борьбу имѣлъ онъ въ виду. Содрогнулся-бы поэтъ народнаго горя, если-бъ услышалъ эти слова произнесенными на митингѣ «эсъ-эромъ». Но, вѣдь, слова остаются словами... Другой, безспорно, чрезвычайно умный, глубоко образованный и передовой русскій

писатель (Д. И. Писаревъ) сказалъ: «слова и иллюзіи гибнутъ—факты остаются». Его изреченіе знаютъ рѣшительно всѣ, часто повторяютъ, но врядъ-ли понимаютъ смыслъ этихъ словъ. Вѣдь, отъ иллюзій крайнихъ ученій врядъ-ли что-либо останется въ недалекомъ будущемъ, ну, а что касается «фактовъ», то они, безспорно, займутъ позорнѣйшее мѣсто во всей русской исторіи...

Мнѣ возразятъ, что не всякое убійство, не всякая экспропріація совершаются политическими партіями. Вѣрно, я не спорю противъ этого. Даже думскіе «правые» раздѣляли убійства и экспропріаціи на двѣ категоріи—политическія и хулиганскія. Но отъ этого, ей Богу, не легче. Да и само явленіе хулиганства подъ лѣвымъ флагомъ врядъ-ли можетъ быть объяснено случайностью и служить оправданіемъ «идейникамъ». «Отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ», гласитъ пословица; отъ идейныхъ борцовъ родились и хулиганы, замѣчу отъ себя...

Тѣ подлыя убійства, которыя свершились въ теченіе мая мѣсяца въ Петербургѣ и о которыхъ такъ много писалось (убійство инженеровъ Берса и Нюберга и убійства при экспропріаціяхъ въ почтовомъ отдѣленіи на Васильевскомъ Островѣ и въ ломбардѣ на Выборгской сторонѣ), очевидно, не дѣло «политическихъ». Но, вѣдь, тѣмъ хуже. «Борцы» ознакомили мерзавцевъ и хулигановъ съ неслыханными до сихъ поръ дерзкими пріемами убійствъ и грабежей среди бѣла дня. «Борцы» развратили массу, воспитали Федоровыхъ и Казанцевыхъ, дали поводъ всякому отребью человѣчества, прикрываясь «свободой», совершать такіе подвиги, какихъ не было у насъ даже во дни Стеньки Разина.

Средства, выбранныя ошибочно гг. «лѣвыми» (убійство, грабежи), должны быть признаны самими авторами за негодныя, такъ какъ ими, помимо всего, воспользовалась хулиганщина, такъ какъ они не могутъ быть оправданы никакими великими идеями.

Надо быть осторожнымъ не только въ дѣйствіяхъ, но и въ словахъ. Дернула, прости Господи, нелегкая обмолвиться М. Горькаго (въ погонѣ за дешевыми лаврами) дикой, но эффектной фразой: «Безумство храбрыхъ—вотъ мудрость жизни»*), и эта фраза стала девизомъ не только борцовъ, но и хулиганщины...

Всякое пошлое слово тѣмъ и любо толпѣ, что оно по-

*) «Пѣсня о соколѣ» М. Горькаго.

шло и, не утомляя мозга, оправдываетъ многое такое, что даже и дикарю не можетъ казаться прекраснымъ. Вѣдь, распространяя фразу «босяцкаго поэта», можно дойти и до оправданія растлѣнія пятилѣтней дѣвочки. Тутъ, вѣдь, тоже требуется «безумство храбрыхъ»...

Да, есть слова и фразы, пріятныя для дикой толпы, есть и такія слова, помнить которыя не особенно удобно, а произнести—страшно. Слова Спасителя «о мечѣ», произнесенныя Имъ по пути къ смертной казни, забыты, а какъ-бы слѣдовало помнить ихъ въ наши кошмарные, тяжелые дни, какъ-бы велика и дорога была намъ память о той или иной думѣ, если-бы этими словами руководствовались народные избранники!

Но дальше такъ идти не можетъ. «Кровь вопіетъ» къ народу, народъ долженъ остановить ея потоки, долженъ сознательно выбрать въ новую думу такихъ представителей, которые способны безотносительно и властно выразить его волю, заключающуюся въ двухъ словахъ: «довольно крови!».

Капли крови.

Капли крови человѣка—это всюду Божьи слезы,
За пролитье ихъ отъ вѣка небо шлетъ всегда угрозы.
Каинъ, злобный и свирѣпый, пролилъ кровь родного брата,
Но за яростью нелѣпой наступила вмигъ расплата:
На землѣ себѣ пріюта не нашелъ нигдѣ съ семьею,
Даже каждая минута отравлялась мыслью злою,
Что часъ мести наступаетъ и Всевидящее око
Этотъ часъ напоминаетъ, въ небесахъ горя высоко.
Поднимались-ли туманы, иль свирѣпствовали бури,
Въ грозы, вихри, ураганы, въ блескѣ радостной лазури—
Око Божіе горѣло, объ убійствѣ вспоминая,
И укрыть его не смѣли ни моря, ни глушь лѣсная.
И съ тѣхъ поръ пролитой крови къ небу паръ всегда дымится,
Словно отъ поднятой нови; и преступнику не спится
Даже средь покойной ночи, даже средь семьи родимой.
Бьется сердце, что есть мочи, и покой необходимый
Улетаетъ прочь навѣки; вѣчно жалкое томленье,
Льются слезъ горючихъ рѣки; это—месть за преступленье!
Братья, братья! коль случится наносить врагу удары,
Пусть опомнится, страшится неизбѣжно вѣрной кары,
Вспомнитъ пусть примѣръ библейскій—не пустые это звуки!
За одинъ ударъ злодѣйскій неизбѣжныя ждутъ муки.
Капли крови—это слезы и онѣ къ престолу Бога
Вознесутъ свои угрозы до небеснаго чертога!

Ив. Юрченко.

Жизнь и дѣятельность партій.

Очень порядочный періодъ времени прошелъ послѣ послѣдняго помѣщеннаго въ «Кладѣ» обзора жизни и дѣятельности нашихъ политическихъ партій, а, между тѣмъ, — увы! — время пролетѣло, но плодовъ не принесло. Ни жизнь партій въ это сравнительно продолжительное время ничѣмъ не украсилась, ни дѣятельность не только не расцвѣла, но даже, можно сказать, омертвѣла. Несмотря на то, что выборы, какъ говорятся, на дворѣ, партіи спятъ и вся ихъ дѣятельность попрежнему выражается во взаимномъ переругиваніи да въ разсужденіяхъ о томъ, работать или не работать, принимать участіе въ выборахъ или бойкотировать думу.

На послѣднюю тему лѣвыя партіи очень много и поговорили, и пописали; говорили, конечно, на своихъ комитетскихъ собраніяхъ, писали въ газетахъ. Въ «Товарищѣ» по этому поводу высказывались въ безконечныхъ по объему статьяхъ такіе столпы лѣвыхъ, какъ Мартовъ, Аваловъ, Плехановъ, Ленинъ. Приводить ихъ разсужденія очень скучно; разбираться въ нихъ даже заинтересованнымъ товарищеской жизнью стало не въ моготу, и не потому-ли на происходящихъ въ Москвѣ рабочихъ собраніяхъ, какъ сообщили газеты, ораторы, большевики и меньшевики, стали встрѣчаться рабочими уже безъ прежняго энтузіазма? Мало этого; посѣтители собраній рабочіе будто-бы встрѣчаютъ теперь, какъ героевъ дня, анархистовъ-коммунистовъ. Вотъ что значитъ хорошее воспитаніе! Этого-ли хотѣли лѣвые соціалистическіе ораторы?

Недаромъ развившаяся эпидемія террора и экспропріацій смущаетъ теперь тѣхъ, кто раньше думалъ, что это — могучее средство въ политической борьбѣ. Такъ, напр., въ одномъ изъ послѣднихъ собраній совѣта партіи соціалистовъ-революціонеровъ возникли пренія по вопросу объ экспропріаціяхъ. Большинство лицъ, участвовавшихъ въ преніяхъ по этому вопросу, высказалось противъ экспропріаціи какъ казеннаго, такъ и частнаго имуществъ. Выяснилось при этомъ, что центральный комитетъ партіи исключалъ изъ партіи тѣхъ членовъ, которые принимали участіе въ грабежахъ, или-же предлагалъ имъ въ дальнѣйшемъ отказаться отъ участія въ экспропріаціяхъ. Такъ-же отрицательно высказалось большинство участниковъ совѣта по вопросу объ экономическомъ террорѣ, примѣняемомъ рабочими противъ работодателей. А вотъ армавирскій (Кубанская область) комитетъ соціалъ-демократической партіи опубликовалъ постановленіе, которымъ проводитъ рѣзкую черту между соціалъ-демократіей и появившимися въ послѣднее время группами лицъ, называющихъ себя анархистами и прибѣгающими въ политической борьбѣ къ террористическимъ и экспропріаторскимъ актамъ. Армавирскій комитетъ констатируетъ, что экспро-

пріаторская и террористическая дѣятельность анархистовъ вноситъ дезорганизацію и развратъ въ рабочія массы, и заявляетъ, что соціалъ-демократическая партія принимаетъ только добровольныя денежныя пожертвованія и никогда не прибѣгаетъ къ угрозамъ. Далѣе комитетъ постановилъ, что всякій членъ партіи, уличенный въ требованіи денегъ угрозами или въ участіи въ экспропріаціи, будетъ исключенъ изъ партіи.

Въ такой опредѣленной и рѣшительной формѣ осужденіе экспропріацій до сихъ поръ еще не проявлялось, но невольно здѣсь приходитъ на умъ извѣстная русская пословица о томъ, что русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ. Удивительное дѣло! Отчего раньше не пришло въ голову «руководящимъ организаціямъ» объявить осужденія, а объявлять ихъ онѣ начали какъ разъ тогда, когда соціалистическіе ораторы—увы!—встрѣчаются уже «безъ прежняго энтузіазма», говоря мягкими выраженіями, а если не подбирать выраженій, такъ и попросту, можетъ быть, недружелюбно.

Безъ сомнѣнія, потребность въ осужденіи отвратительнаго явленія, распространившагося въ послѣднее время повсемѣстно въ Россіи, необходима и очень желательно было-бы, чтобы увлекшіеся отвратительнымъ развратомъ послушались «товарищескаго» вразумленія и сознали, что «экспропріаторская и террористическая дѣятельность анархистовъ вноситъ только дезорганизацію и развратъ въ рабочія массы», а дѣлу освобожденія и обновленія не только не приноситъ пользы, но несетъ страшный вредъ. Однако, сознаютъ-ли это заболѣвшіе, ввергнутые въ болѣзнь? Послушаются-ли они этого клича «назадъ!» изъ устъ тѣхъ, кто вначалѣ кричалъ имъ «впередъ!» Теперь, вѣдь, уже не простая болѣзнь, а эпидемія, а извѣстно, что съ разросшейся эпидеміей куда труднѣе бороться, чѣмъ съ начинающейся болѣзнью.

Но какъ-бы тамъ ни было, все-же хорошо, что и въ революціонные кружки начинаетъ, наконецъ, проникать сознаніе. И, пожалуй, права «Рѣчь», говорящая, что рѣшеніе армавирскаго комитета, повторенное съ такой-же рѣшительностью отъ имени всей партіи и распространенное на всю Россію, несомнѣнно, можетъ дать очень сильный толчокъ къ оздоровленію той среды, въ которой преступленіе прикрывается личиной подвига, и привести-если не къ немедленному прекращенію эпидеміи экспропріацій, то, по крайней мѣрѣ, къ суженію ея размаха, къ сосредоточенію ея въ средѣ однихъ только несомнѣнныхъ преступниковъ.

***

Только теперь въ самое послѣднее время, нѣкоторыя изъ лѣвыхъ организацій кое-какъ намѣтили, что имъ дѣлать съ выборами. Большинство рѣшило, что бойкотировать третью думу все-же не слѣдуетъ, но мотивы, почему не слѣдуетъ, приведены свои «особенные». Вотъ основные тезисы доклада, заслушаннаго и принятаго большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного на послѣдней конференціи трудовой группы:

«До сихъ поръ трудовая группа задачу своей дѣятельности видѣла въ защитѣ интересовъ трудящихся, въ частности, крестьянства, въ гос. думѣ. Единственной ареной ея дѣятельности являлась дѣятельность около думы и въ самой думѣ. Въ на-

стоящее время дума центральное мѣсто въ освободительномъ движеніи, по мнѣнію трудовиковъ, занимать не можетъ. Причиной этому — измѣненіе избирательнаго закона и, главнымъ образомъ, утрата думой агитаціоннаго и организаціоннаго значенія. Задачей момента является, по словамъ доклада, широкая организація трудящихся массъ на почвѣ ихъ непосредственныхъ интересовъ. Трудовая группа должна содѣйствовать движенію въ этомъ, именно, направленіи. Въ этихъ цѣляхъ трудовая группа должна заняться организаціей кооперативовъ и профессіональныхъ союзовъ въ отсталыхъ слояхъ промышленнаго и торговаго пролетаріата, а также самостоятельныхъ производителей, объединять существующія уже подобнаго рода организаціи и т. д.».

По мотивамъ въ этомъ-же духѣ рѣшила принять участіе въ выборахъ и народно-соціалистическая партія, конференція которой, продолжавшаяся пять дней, недавно закончилась. Интересными на этой конференціи были доклады мѣстныхъ делегатовъ о настроеніи населенія на мѣстахъ. Приэтомъ выяснилось почти полное безразличное отношеніе къ выборамъ со стороны крестьянъ и возможность успѣха бойкота выборовъ въ губерніяхъ Тверской, Саратовской, Псковской и Екатеринославской и совершенно обратные отзывы представлены изъ Одессы, Вятской, Люблинской, Воронежской и др. губерній, а также изъ Кубанской области.

Пренія по вопросу объ участіи н.-с. партіи въ предстоящей выборной кампаніи были очень горячи. Конференція большинствомъ одной пятой голосовъ предложила всѣмъ мѣстнымъ группамъ принять участіе въ предстоящей выборной кампаніи.

По вопросу о соглашеніяхъ принята конференціей слѣдующая приблизительно резолюція: 1) партія должна рѣзко отмежеваться отъ всѣхъ партій и организацій, которыя обнаружатъ склонность считать третью гос. думу органомъ истиннаго народнаго представительства; 2) соглашенія на первоначальныхъ выборахъ при прямой подачѣ голосовъ и на первой стадіи при многостепенныхъ выборахъ допускаются лишь съ соціалистическими партіями и трудовыми организаціями; 3) соглашенія на дальнѣйшихъ стадіяхъ и при перебаллотировкахъ, а также поддержка чужихъ кандидатовъ внѣ какихъ - либо соглашеній допускаются съ партіями и организаціями не правѣе ка-детовъ; 4) на высшихъ стадіяхъ, если выяснится невозможность дальнѣйшей борьбы или общее настроеніе выборщиковъ отъ трудящагося населенія окажется несовмѣстимымъ съ дальнѣйшимъ производствомъ избирательныхъ операцій, допускается отказъ отъ участія въ выборахъ, причемъ этотъ отказъ долженъ производиться демонстративно.

Основныя положенія резолюціи, принятой на обще-русской соц.-демократической конференціи по вопросу о выборахъ въ государст. думу, сводятся къ слѣдующему: безразличное отношеніе народныхъ массъ къ выборамъ въ третью думу свидѣтельствуетъ о разрушеніи прежнихъ конституціонныхъ иллюзій и о сознательномъ отношеніи къ характеру новой думы. Тактика - же бойкота необходима лишь для борьбы съ распространяемыми конституціонными иллюзіями. Вредно въ этомъ отношеніи, по мнѣнію составителей резолюціи, вліял

лозунги о необходимости добиваться министерства изъ большинства думы, тактика береженія ея и т. д.; указывается и на то, что теперь существенно не измѣнились условія по сравненію съ тѣми, при которыхъ соц.-дем. участвовала во второй думѣ, такъ какъ новый избирательный законъ обѣщаетъ лишь замѣну думы, которая говорила языкомъ ка-детовъ, а дѣйствовала по-октябристски,—думой открыто октябристской. Поэтому конференція признала, что необходимо принять участіе въ избирательной кампаніи и въ третьей думѣ, причемъ какъ въ избирательной кампаніи, такъ и въ самой думѣ соц.-демократы должны распространять и укрѣплять въ сознаніи народныхъ массъ свои идеи и противодѣйствовать реакціи, преобладанію ка-детовъ въ освободительномъ движеніи и въ думѣ.

***

Дальше резолюцій дѣятельность лѣвыхъ пока не идетъ. Среди нихъ замѣтна вообще какая-то усталость и, конечно, не лѣтніе каникулы тому причиной. Въ такое время, какъ теперешнее, предъ выборами, конечно, люди, въ которыхъ не угасла энергія, не посмотрѣли-бы ни на какіе каникулы. Другое здѣсь — разбитыя мечты и сознаніе, что народъ по пути, намѣченному партіями вначалѣ, не пошелъ и склонности пойти даже въ ближайшемъ будущемъ не проявляетъ. Это соображеніе подтверждаютъ даже и резолюціи конференцій. Общій смыслъ ихъ, вѣдь, свидѣтельствуетъ о томъ, что господа «учители» поняли, наконецъ, что къ народу надо подходить съ осторожностью, что надо сначала заняться подготовкой народа къ своему ученію. Но, удастся-ли эта подготовка въ широкихъ размѣрахъ, сомнительно.

***

Самымъ крупнымъ событіемъ въ жизни и дѣятельности нашихъ политическихъ партій въ истекшія послѣднія недѣли было отклоненіе министромъ внутреннихъ дѣлъ ходатайства партіи народной свободы о разрѣшеніи ей партійнаго съѣзда, который она хотѣла устроить въ Петербургѣ, не скрываясь въ подполье и не предпринимая поѣздки за предѣлы Россіи. Послѣ казавшагося вполнѣ всѣмъ благопристойнаго поведенія партіи во второй думѣ всѣмъ, не посвященнымъ въ интимности отношеній между правительствомъ и партіей, отклоненіе ходатайства ка-детовъ показалось очень страннымъ и возбудило оживленное обсужденіе событій въ печати, причемъ даже всегда не особенно-то дружелюбно относящееся къ ка-детамъ «Н. Вр.» и то признало, что не разрѣшать съѣзда было даже не въ выгодахъ отрицательно относящагося къ партіи министерства.

«Предъ второй думой ка-детамъ,—замѣтило «Н. Вр.»,—скомпрометтировавшимъ себя выборгскимъ воззваніемъ и упорно не желавшимъ порвать съ лѣвыми, съѣздъ также не былъ разрѣшенъ въ Петербургѣ: они мирно прокатились въ Гельсингфорсъ, и свѣтъ отъ этого не перевернулся. Надѣемся, что и на этотъ разъ Милюкову удастся совершить не менѣе пріятную прогулку, а неразрѣшеніе съѣзда послужитъ только лишней рекламой пріунывшей ка-детской партіи».

«Новая» печать тоже признала, что такое отношеніе къ партіи служитъ только къ ея-же выгодѣ. «Русь» сказала: «Безусловно опредѣлившееся теперь отношеніе къ ка-детамъ мини-

стерства и на выборахъ въ третью думу поставитъ предъ ними не мало юридическихъ и физическихъ рогатокъ въ выборной борьбѣ. Но и положеніе не-легализаціи имѣетъ всѣмъ извѣстныя избирательныя выгоды. Уравненіе ка-детъ въ правахъ съ октябристами огорчило-бы, кто знаетъ, не только этихъ послѣднихъ, но и нѣкоторые слои избирателей. Совершенно ошибочно, по весьма субъективной боязни казенныхъ штемпелей, эти слои недовѣрчивѣе отнеслись-бы къ ка-детамъ допущеннаго образца, и слѣды такого неосновательнаго и предвзятаго, но возможнаго недовѣрія отыскались-бы въ урнахъ на третьихъ выборахъ въ думу».

«Неразрѣшеніе съѣзда, вѣдь, не можетъ уничтожить партію, —замѣтилъ «Товарищъ».—Такая вполнѣ лойяльная партія, какъ партія народной свободы, попала на нелегальное положеніе, — говорила газета, — еще въ прошломъ году. И, тѣмъ не менѣе, партія выступала на выборахъ во вторую думу, какъ партія, какъ нѣчто организованное въ цѣлое, выступала открыто и одержала во многихъ мѣстахъ крупную побѣду. Какъ партія-же, она продолжала дѣйствовать и въ самой второй думѣ и точно такъ-же вполнѣ открыто. Выступали на выборахъ и во второй думѣ не только такія партіи, какъ ка-детская, а и лѣвыя партіи. Нѣтъ сомнѣнія, что и теперь, во время выборовъ въ третью думу, всѣ эти оппозиціонныя партіи точно такъ-же выступятъ. Изъ жизни ихъ вычеркнуть уже нельзя, какъ-бы ни относилось къ партіямъ правительство. И если въ декабрѣ 1905 года П. Н. Дурново на просьбу о разрѣшеніи съѣзда партіи нар. своб. могъ еще отвѣтить: «Какая партія? Я не знаю партіи»...—какъ разсказываетъ В. Д. Набоковъ въ «Правѣ»,—то теперь такихъ «недоразумѣній» не выражаютъ и правящія сферы. Партіи не только существуютъ, несмотря на ихъ нелегализированіе, но онѣ вполнѣ опредѣленно вліяютъ на всю нашу политическую жизнь. Ихъ признало населеніе, съ ними вынуждено волей-неволей считаться и правительство. Борьба его съ партіями не легка, въ особенности съ такой лойяльной и организованной партіей, какъ партія народной свободы».

«St. Petersburger Zeitung» прямо порицало отказъ въ разрѣшеніи съѣзда и говорило: «Даже и люди, не принадлежащіе къ числу ка-детовъ, не могутъ отдѣлаться отъ недоумѣнія по поводу поступка министерства. Онъ стоитъ въ противорѣчіи съ прежними оффиціозными заявленіями... Конечно, можно было-бы сказать, что государство не можетъ терпѣть собранія партіи, ему враждебной, не унижая своего достоинства. Но ка-деты враждебны не государству, а правительству, и уваженіе къ своему достоинству не мѣшаетъ европейскимъ государствамъ терпѣть даже соціалъ-демократическіе съѣзды... Въ собственныхъ интересахъ правительства очень жаль, что оно не стоитъ на этой точкѣ зрѣнія».

«Биржевыя Вѣдомости» высказывались въ томъ-же смыслѣ: «Запрещеніе съѣзда ни съ какой стороны нельзя мотивировать мнимымъ революціоннымъ настроеніемъ ка-детовъ. Если-бы правительство дѣйствительно занялось цѣлью чинить помѣхи революціонерамъ, т. е., людямъ, мечтающимъ о насильственномъ ниспроверженіи существующаго строя,—то оно не дозволяло-бы ни недавняго съѣзда земскихъ дѣятелей въ Москвѣ, ни предстоя-

щаго тамъ-же собранія «истинно-русскихъ людей». Этого сдѣлано, однако, не было. Мы гонимъ прочь догадку, что крайнимъ правымъ дозволяется собираться, такъ какъ они—враги конституціи, а умѣреннымъ элементамъ—воспрещается, потому что они—поборники конституціи».

Интересно привести мотивы отказа, изложенные въ оффиціозной «Россіи». Министерская газета говорила слѣдующее:

«Ка-детская группа ходатайствовала предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи созвать въ Петербургѣ партійный съѣздъ, но министръ внутреннихъ дѣлъ не нашелъ возможнымъ удовлетворить ея ходатайство. Ка-деты, какъ и слѣдовало ожидать, спѣшатъ обратить этотъ отказъ въ политическое событіе, имѣющее значеніе «новаго» курса, ставятъ этотъ отказъ въ связь съ какими-то «попытками расшатать остатокъ вѣры въ прочность основныхъ законовъ», а кстати, жалуются на то, что ихъ, лойяльныхъ государственныхъ дѣятелей, правительство упорно оставляетъ на положеніи нелегальныхъ.

«Имѣютъ-ли всѣ эти заявленія и увѣренія шансы на успѣхъ, въ качествѣ тактическаго пріема,—въ этомъ разбираться, конечно, не будемъ. По существу-же вопроса скажемъ лишь одно: та политическая группа, которая отказалась въ думѣ осудить политическіе убійства и грабежи и которая отказалась выдать политическихъ заговорщиковъ, не имѣетъ основаній расчитывать, чтобы правительство признало ее законно существующей, а, слѣдовательно, и разрѣшало ей устройство партійныхъ съѣздовъ. Если-бы правительство разрѣшило теперь ка-детскій съѣздъ, широкіе круги общества, дѣйствительно, должны были-бы повѣрить, что политика правительства измѣнилась и что противогосударственная тактика, осуществляемая ка-детами, принимается въ качествѣ совершенно обыкновеннаго, вполнѣ допустимаго политическаго явленія. Разрѣшеніе съѣзда явилось-бы также не чѣмъ инымъ, какъ призывомъ со стороны правительства записываться въ ряды тѣхъ, кто ведетъ опредѣленную борьбу съ русской государственностью, не останавливаясь ни предъ какими средствами. Ка-деты съ этой цѣлью и возбудили свое ходатайство, но правительство не могло и не должно было отвѣтить на него иначе, какъ отказомъ. Правительство такъ и сдѣлало. Вспомнимъ, что правительство особымъ циркуляромъ воспретило должностнымъ лицамъ быть членами тѣхъ политическихъ партій, которыя ведутъ борьбу противъ русской государственности, а въ томъ числѣ и партіи ка-детовъ. Правительство не отмѣнило своего циркуляра и не собирается отмѣнять его».

Очень рѣшительно и, надо признаться, толковѣе другихъ высказывался по поводу отказа ка-детамъ органъ «союза русскаго народа»—«Русское Знамя». «Отвѣтъ,—сказала газета,—какъ-будто допускаетъ существованіе неузаконенной партіи. Казалось-бы, что вмѣсто отказа въ съѣздѣ было-бы цѣлесообразнѣе привлечь партію къ законной отвѣтственности, какъ нелегализованную, т. е., признанную закономъ вредной для безопасности государства».

На самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ безъ разрѣшенія начальства въ Россіи ничего, вѣдь, не можетъ существовать, а тутъ не только безъ разрѣшенія, но и даже вопреки желанію, суще-

ствуетъ партія, которая на двухъ предшествовавшихъ выборахъ въ думу показала, что она куда сильнѣе и вліятельнѣе въ массахъ разрѣшенныхъ союзниковъ. Какъ-же такъ? И поэтому у нихъ, привыкшихъ во всемъ прибѣгать къ помощи начальства и не могущихъ безъ его покровительства шагъ ступить, вполнѣ естественъ крикъ: «закрыть!». Увы, жизнь показываетъ, что не все-то можно закрыть, а потому-то и намъ кажется отказъ правительства ни къ чему въ сущности не ведущимъ и ничего въ политическомъ отношеніи не измѣняющимъ.

Послѣ отказа въ разрѣшеніи созвать съѣздъ, въ Москвѣ состоялось совѣщаніе представителей партіи «народной свободы» по вопросу о предстоящихъ выборахъ въ государственную думу, а также и о созывѣ партійнаго съѣзда. На совѣщаніи присутствовали прибывшіе изъ Петербурга: П. Б. Струве, П. Н. Милюковъ, г. Каминка и проф. Лучицкій изъ Кіева, а также члены московскаго городского комитета, съ Н. Н. Щепкинымъ во главѣ. Отдѣльные члены совѣщанія находили крайне неудобнымъ созывъ съѣзда въ Финляндіи или вообще внѣ предѣловъ Россіи ввиду того, что при такихъ условіяхъ искусственно уменьшается число участниковъ съѣзда и затрудняется правильное представительство всѣхъ мѣстныхъ отдѣловъ, а, слѣдовательно, и надлежащее выраженіе общаго мнѣнія партіи по важнѣйшимъ политическимъ вопросамъ текущаго момента. Окончательное рѣшеніе этого вопроса было предоставлено центральному комитету въ Петербургѣ. Послѣдній разослалъ, по словамъ «Руси», циркуляръ провинціальнымъ комитетамъ, въ которомъ, между прочимъ, сообщено, что устройство съѣзда ни въ предѣлахъ Россіи, ни въ Финляндіи, ни даже за границей признано невозможнымъ. Далѣе въ циркулярѣ говорится, что ввиду невозможности устроить съѣздъ центральный комитетъ нашелъ, что «вся организація выборовъ въ 3-ю думу и всѣ директивы для предстоящей избирательной кампаніи должны быть выработаны самимъ комитетомъ, при участіи провинціальныхъ группъ постольку, поскольку такое участіе можетъ быть организовано безъ общеимперскаго съѣзда. Ввиду этого рѣшено немедленно приступить къ попыткамъ устройства, гдѣ это окажется возможнымъ, областныхъ съѣздовъ и совѣщаній, а затѣмъ собрать новое пленарное засѣданіе центральнаго комитета, съ представителями по возможности всѣхъ губернскихъ комитетовъ, по одному представителю отъ каждаго. На обсужденіе и окончательное одобреніе этого совѣщанія будутъ предложены всѣ мѣры избирательной борьбы, выработанныя къ тому времени на областныхъ съѣздахъ и совѣщаніяхъ, и всѣ директивы, исходящія отъ центральнаго комитета».

* * *

Думавшая сгоряча послѣ роспуска второй думы главенствовать на выборахъ партія октябристовъ, такъ и не давшая прямого и яснаго отвѣта на предложенія Е. Н. Трубецкого о вступленіи въ блокъ съ ка-детами, теперь отвѣтила на это косвенно печатавшимися въ партійномъ органѣ союза 17-го октября «Голосѣ Москвы» «письмами въ редакцію» октябристовъ. При этомъ оказалось, что и у октябристовъ есть и правые, и лѣвые. Въ этихъ письмахъ высказывается прежнее порицаніе ка-детамъ за ихъ революціонность и въ общемъ про-

водится мысль, что октябристы должны остаться при своемъ. Это «свое» опредѣляется въ письмѣ г. «праваго октябриста» такъ:

«Основныхъ законовъ у насъ—въ данную минуту, строго говоря, нѣтъ; есть основные законы до-октябрьскіе, въ которые втиснуты, какъ попало и гдѣ попало, поспѣшныя и неясныя положенія о государственной думѣ. Всю нашу «конституцію», все наше законодательство надо развить, разработать, упрочить, —можно сказать, что все это просто надо создать, создать напряженіемъ всѣхъ силъ народнаго творчества, народнаго подъема. Верховная власть свое дѣло сдѣлала—призывомъ народныхъ представителей на это совмѣстное творчество, на эту высшую государственную работу. Ни малѣйшаго признака нѣтъ, который-бы позволилъ думать, что на высотахъ Верховной власти что-либо измѣнилось въ этомъ направленіи. Манифестъ 17-го октября остается, какъ и до сихъ поръ, безвозвратнымъ залогомъ новаго—вѣрнѣе, обновленнаго строя, залогомъ, даннымъ за Высочайшей подписью предъ лицомъ всего міра. Болтать о томъ, что «отбирается назадъ», не только кощунственно, лживо, но и дѣтски-безпомощно и глупо: исторія назадъ не идетъ». Для «Праваго октябриста» несомнѣнно, что «никакого государственнаго переворота» нѣтъ въ естественномъ желаніи набрать для третьяго опыта думу, по возможности менѣе кадетскую и менѣе красную.

Далѣе оффиціозъ партіи поясняетъ уже отъ себя:

«Несомнѣнно, что русскій народъ въ массѣ вовсе не стремится къ превознесенію своей власти надъ Царскою и еще менѣе къ ея упраздненію. Но, съ другой стороны, несомнѣнно, что русскій народъ не относится и не можетъ относиться отрицательно и къ дарованнымъ ему политическимъ правамъ. Отношеніе русскаго народа къ конституціи опредѣляется самыми условіями ея происхожденія: эту конституцію далъ своему народу его царь, и далъ ее не въ удовлетвореніе какого-либо «народнаго властолюбія», а въ сознаніи необходимости опираться на властное народное представительство въ законодательномъ устроеніи государства, въ расходованіи его средствъ и въ надзорѣ за закономѣрностью и дѣятельностью поставленныхъ отъ него властей. Къ этому сознанію Царь пришелъ заодно со многими русскими людьми, послѣ того какъ обнаружилась вся несостоятельность приказнаго, бюрократическаго строя. Ка-деты и ихъ лѣвые друзья, указывая на обстоятельства, предшествовавшія дарованію конституціи, на всеобщую забастовку, на мятежи и революціонный терроръ, обыкновенно утверждаютъ, что конституція завоевана народомъ. Но, вѣдь, русскій народъ въ массѣ не участвовалъ въ этихъ забастовкахъ и мятежахъ, а потому и не могъ проникнуться тѣмъ самочувствіемъ, которое приписываютъ ему ка-деты и соціалисты, не могъ проникнуться и идеею народовластія, и стремленіемъ къ полному ея выраженію и осуществленію. Для большинства русскаго народа конституція была и останется тѣмъ, что она есть въ дѣйствительности—Царскимъ даромъ своему народу, вызваннымъ желаніемъ Царя найти новую опору, новое подкрѣпленіе для Своей Верховной власти».

Дальше разсужденій о дѣятельности въ будущемъ да

о томъ, какъ-бы усилить притокъ средствъ въ партійную кассу настоящая дѣятельность мертвой октябристской организаціи почти не идетъ. Правда, октябристы ищутъ кандидатовъ въ думу съ именами, но въ этой области въ наличности имѣются пока только разнорѣчивые газетные толки, которымъ нельзя еще придавать вѣру.

* * *

Въ Петербургѣ недавно состоялось совѣщаніе членовъ центральнаго и петербургскаго комитетовъ партіи мирнаго обновленія. На совѣщаніи былъ принятъ рядъ существенныхъ рѣшеній. По вопросу о кандидатурахъ собраніе признало необходимымъ проводить сторонниковъ идеи конституціоннаго центра. Мысль о блокахъ пока оставлена и соглашеніе признано возможнымъ только на лицахъ. Отдѣльный докладъ былъ посвященъ вопросу о необходимости оградить конституцію отъ посягательствъ со стороны истинно-русскихъ людей. Докладчикъ, по слов. «Б. Вѣд.», привелъ интересные примѣры изъ предвыборной тактики истинно-русскихъ людей въ Волынской губ., гдѣ ихъ агитаторы категорически заявляютъ крестьянамъ, чтобъ они записывались въ партію истинно-русскихъ, такъ какъ теперь уже «достовѣрно извѣстно, что только истинно-русскимъ крестьянамъ будетъ дана земля».

* * *

«Истинно-русскіе» вообще много заставили въ послѣднее время говорить о себѣ. Началось съ того, что союзный оффиціозный органъ истинно-русскихъ людей «Русское Знамя» рѣшилъ пропѣть дифирамбъ нѣмецкому банкиру еврею Мендельсону и, несмотря на то, что онъ—еврей, признать его достойнымъ быть членомъ союза русскаго народа. Дѣло началось въ сущности изъ-за разсужденій о займѣ. Вотъ что написано въ оффиціозѣ союза русскаго народа:

«Не все-ли, молъ, равно, скажутъ самые вѣрные и патріотическіе сыны Россіи, брать деньги у парижскихъ, лондонскихъ или берлинскихъ евреевъ? На это мы отвѣтимъ нашимъ читателямъ: нѣтъ, не все равно! Если ужъ на то пошло, и наша бѣдная, истерзанная родина должна заключать новые внѣшніе займы, то лучше въ Берлинѣ, нежели въ Парижѣ и Лондонѣ». Дѣло въ томъ, что Мендельсонъ—совсѣмъ не то, что Ротшильдъ. «Начать съ того, что Мендельсонъ—вовсе не еврей! Настоящій глава знаменитаго банкирскаго дома въ Берлинѣ—правнукъ геніальнаго композитора Феликса Мендельсона-Бартольди, принявшаго, какъ извѣстно, по убѣжденію, а отнюдь не изъ личныхъ соображеній, христіанство. Только истинно-вѣрующій человѣкъ могъ написать такую ораторію, какъ «Paulus» (Апостолъ Павелъ). Благородная, свѣтлая личность Феликса Мендельсона сіяла не только въ исторіи музыки, но и въ исторіи общественныхъ нравовъ Германіи. Не было человѣка, который въ свое время не преклонялся-бы предъ личностью Мендельсона. Даже Вагнеръ, не стѣснявшійся въ своей хулѣ музыкальнаго творчества Мендельсона, вынужденъ былъ признать въ немъ идеально-честнаго человѣка и безукоризненнаго джентльмэна. Такой лестной репутаціей пользовался, впрочемъ, не только композиторъ Мендельсонъ, но и всѣ остальные представители этого рода, какъ, напримѣръ: его дядя, извѣстный фило-

совъ Мозесъ Мендельсонъ. Германія къ тому-же — государство въ корнѣ монархическое. Берлинскій денежный рынокъ не предъявитъ намъ, несмотря на преобладаніе въ немъ евреевъ, тѣхъ требованій, которыя были выставлены, хотя и неоффиціально, въ Парижѣ и особенно во французской радикальной печати». Вотъ почему Мендельсонъ «по уставу могъ-бы быть принятъ въ союзъ русскаго народа, въ который евреи не принимаются ни подъ какимъ видомъ».

Не успѣли еще кончиться въ печати разсужденія по поводу такого небывалаго выступленія «истинно-русскихъ» въ пользу постоянно въ другихъ случаяхъ поносимыхъ ими евреевъ, какъ они дали новый поводъ говорить о себѣ, потому что въ Москвѣ состоялся съѣздъ представителей объединенныхъ монархическихъ организацій. Помѣщеніемъ съѣзда служилъ монархическій клубъ въ домѣ кн. Волконскаго. Несмотря на то, что на съѣздѣ присутствовало очень немного делегатовъ (только 50), они не смущаясь рѣшали дѣло за всѣ свои «милльоны» членовъ. На съѣздъ собрались, главнымъ образомъ, представители изъ Петербурга и Москвы. Распорядители этого съѣзда обставили его строжайшей таинственностью, рѣшивъ не допускать на засѣданія не только публики, но и представителей какой-бы то ни было печати, не исключая крайней правой.

Однако, несмотря на всѣ принятыя мѣры таинственности и безопасности съѣзда, въ публику проникали нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ. «Главнымъ вопросомъ обсужденія,—сообщилъ корреспондентъ «Руси»,—являлся вопросъ о бойкотѣ третьей государственной думы. Въ этомъ отношеніи съѣздъ раздѣлился на двѣ части, ожесточенно между собою спорящія. Одни—главнѣйшимъ образомъ, союзники — настаивали на полномъ бойкотѣ думы до тѣхъ поръ, пока она носить на себѣ все еще печать конституціоннаго учрежденія. Въ интересахъ и цѣляхъ истинно-русскихъ людей было-бы, чтобы и третья государственная дума явилась рѣзко и ярко оппозиціонной, не лучше распущенной второй думы. При такихъ условіяхъ третью думу очень быстро разгонятъ и параллельно съ разгономъ должно послѣдовать измѣненіе основныхъ законовъ въ томъ смыслѣ, что государственная дума является совѣщательнымъ учрежденіемъ при самодержавномъ неограниченномъ монархѣ. Вотъ тогда-то всѣ истинно-русскіе люди должны напрячь всѣ свои силы для того, чтобы четвертая, реформированная, дума составилась изъ ихъ представителей, которые совмѣстно съ монархомъ и выведутъ Россію изъ нынѣшняго ужаснаго революціоннаго положенія на путь спокойствія, благополучія и процвѣтанія.

«Противъ этого мнѣнія горячо возражали монархисты, но не противъ основной идеи, а, главнымъ образомъ, противъ тактики. Они находили, что разъ государственная дума въ ея нынѣшней организаціи учреждена волей Государя Императора, то монархистамъ, союзникамъ, какъ и вообще всѣмъ истинно-русскимъ людямъ невозможно и преступно идти противъ этой воли и пользоваться тѣмъ-же революціоннымъ пріемомъ, который примѣняли соціалистическія партіи въ отношеніи первой государственной думы, т. е., бойкотомъ. Напротивъ, всѣ истинно-русскіе люди должны свято исполнять волю монарха и употребить всѣ силы и средства къ широкому участію въ выбо-

рахъ и проведенію своихъ кандидатовъ въ третью думу и уже затѣмъ всячески добиваться какъ измѣненія избирательнаго закона, такъ и «разъясненія» путемъ основныхъ законовъ, что государственная дума является законосовѣщательнымъ органомъ при зависимомъ исключительно отъ царской власти правительствѣ и при самодержавномъ монархѣ».

Этими, хотя и интересными, но все-же очень краткими свѣдѣніями неоффиціальныя сообщенія о съѣздѣ въ сущности и закончились. Тайна хранилась-таки довольно свято. Но зато, когда съѣздъ закончился, явились уже оффиціальныя свѣдѣнія. Первымъ долгомъ съѣздомъ издано запрещеніе монархистамъ вступать въ какія-либо, хотя-бы временныя, соглашенія съ конституціонными партіями. Далѣе сдѣлано постановленіе исходатайствовать предъ правительствомъ, чтобы циркуляръ о запрещеніи членамъ неузаконенныхъ (т. е., нелегализованныхъ) партій занимать какія-либо государственныя должности, примѣнялся строго и неуклонно во всей Имперіи. Затѣмъ въ отношеніи духовенства съѣздъ постановилъ «способствовать возможно скорѣйшему суду надъ членами государственной думы изъ духовныхъ сколько-нибудь лѣваго образа мыслей и ихъ изверженію изъ думы незамедлительно, ибо они противодѣйствуютъ здоровому направленію жизни, покоящейся на основахъ, исповѣдуемыхъ союзомъ русскаго народа. Постановлено затѣмъ требовать строжайшаго и дѣйствительнаго наказанія для политическихъ убійцъ и грабителей, а также того, чтобы подстрекатели печати, науськивающіе читателей на грабежи и убійства, были наказываемы наравнѣ съ политическими преступниками. Это постановленіе слѣдуетъ признать очень симпатичнымъ, только—увы!—оно очень плохо дѣйствуетъ на печатные органы самихъ истинно-русскихъ людей. Къ симпатичнымъ-же постановленіямъ относится рѣшеніе возбудить ходатайство предъ святѣйшимъ синодомъ о вставкѣ въ прошеніи объ убіенныхъ воинахъ послѣ словъ «православныхъ воиновъ на полѣ брани животъ свой положившихъ», слѣдующихъ словъ: «и всѣхъ вѣрныхъ слугъ царевыхъ, въ служеніи церкви, царю и отечеству крамолою убіенныхъ». Симпатично и постановленіе съѣзда о томъ, чтобы надъ министрами и чиновниками былъ учрежденъ строжайшій и дѣйствительный контроль въ отношеніи, между прочимъ, расходованія государственной казны и городскихъ и земскихъ сборовъ, но къ этому постановленію сдѣлано прибавленіе, что министры и чиновники отвѣтственны не предъ думой, а только предъ царемъ.

Самымъ симпатичнымъ постановленіемъ съѣзда было то, которое говоритъ о необходимости полнаго и рѣшительнаго уничтоженія пьянства въ Россіи. Но, читая это постановленіе, невольно думается, что не обойдется безъ того, чтобы, узнавъ это постановленіе главарей, рядовые члены союза не напомнили постановившимъ мудраго изреченія князя Владиміра о томъ, что «Руси не возможно безъ питія быти».

Однако, московскій съѣздъ «истинно-русскихъ» самъ по себѣ не возбудилъ-бы такого всеобщаго вниманія къ союзникамъ, какое возбудила послѣдовавшая за симъ ихъ выходка.

Въ газетѣ «Родина» уже сообщалось о дерзкомъ заявленіи

союзнаго органа, что увѣдомленная о назначенномъ 18-го іюля Высочайшемъ пріемѣ депутаціи союза для поднесенія иконы Воскресенія Христова, она демонстративно не пожелала отправиться на пріемъ. Эту дерзкую выходку сами даже союзники не могли, конечно, не постараться какъ-нибудь оправдать и объяснить и потому на другой день въ «Русск. Знам.» появилась громадная статья д-ра Дубровина,—«Правда необходима». Въ статьѣ послѣ выспреннихъ восклицаній о важности поднесенія иконы говорится, что причиною неявки депутаціи было слѣдующее: «Союзъ избралъ депутацію изъ четырнадцати лицъ, а министръ П. А. Столыпинъ избралъ свою депутацію изъ восьми лицъ и исходатайствовалъ у Его Величества пріемъ ея въ 12 час. дня 18-го іюля. Но о депутаціи Государю Императору отъ союза изъ восьми лицъ главный совѣтъ союза не хлопоталъ, слѣдовательно, и пріема не ожидалъ, къ тому-же и депутація эта не могла представляться подъ флагомъ союза, такъ какъ не имѣла отъ послѣдняго полномочій, которыя даны только депутаціи изъ четырнадцати, утвержденныхъ главнымъ совѣтомъ лицъ. Кромѣ того, въ депутацію П. А. Столыпинымъ были избраны изъ союза семь лицъ, изъ коихъ пять были въ Москвѣ на съѣздѣ, что было извѣстно, вѣроятно, и министру, а въ Петербургѣ остались только двое. Поэтому депутація, избранная П. А. Столыпинымъ, могла представиться Его Величеству только въ числѣ трехъ лицъ, изъ коихъ одинъ, митрополитъ Антоній, даже не членъ союза, и если-бы она въ такомъ составѣ представилась, то вся великая задача, возложенная союзомъ на четырнадцать уполномоченныхъ главнымъ совѣтомъ, свелась-бы къ нулю, т. е., къ результату, желаемому П. А. Столыпинымъ».

Какъ потомъ сообщила газета «Рѣчь», въ числѣ исключенныхъ изъ состава предполагавшейся депутаціи 7 человѣкъ, кромѣ П. Булацеля, оказался, между прочимъ, и самъ главный иниціаторъ всего этого дѣла—игуменъ Арсеній. По словамъ союзниковъ, причиной исключенія послѣдняго изъ списка является неподчиненіе его постановленію св. синода, согласно которому игумену Арсенію надлежало еще въ январѣ текущаго года отправиться на постоянное монашеское служеніе въ Соловецкій монастырь, въ который онъ, однако, не поѣхалъ, предпринявъ вмѣсто этого путешествіе въ Святыя мѣста.

Всѣмъ понятно, что эта недостойная выходка «истинно-русскихъ» людей была въ сущности походомъ противъ ненавистнаго монархистамъ конституціоннаго министерства П. А. Столыпина. Однако, въ этомъ походѣ потерпѣвшими оказались сами союзники. Теперь они сидятъ у разбитаго корыта. Объ этомъ свидѣтельствуетъ состоявшееся затѣмъ постановленіе ихъ главнаго совѣта. Послѣдній разсуждалъ, какъ-же быть съ поднесеніемъ иконы, и рѣшилъ отложить посылку депутаціи на неопредѣленное время, признавъ, что въ министерствѣ будто-бы возбужденіе новаго ходатайства встрѣтитъ лишь издѣвательства надъ союзниками. «По дѣломъ вору и мука!»—говоритъ пословица; если посаженный за столъ въ благодарность влѣзетъ на столъ съ ногами, ему торопятся указать его настоящее мѣсто.

Правительство и студенты.

Статья Н. В. Сосницкаго.

Чреватый событіями 1906—1907-й академическій годъ окончился сравнительно мирно и если не вполнѣ благотворно для русской науки, то во всякомъ случаѣ выпустилъ на арену практической жизни нѣсколько сотъ „засидѣвшихся“ студентовъ... „Все хорошо, что хорошо кончается“—академическій годъ закончился, можно сказать, сносно, сравнительно съ тѣмъ, чего можно было ждать въ его началѣ, да, пожалуй, и во все время его теченія.

Я не буду задерживаться на длинномъ рядѣ тѣхъ скорбныхъ явленій, волненій и недоразумѣній, которыми обогатилась исторія русской академической жизни въ истекшій годъ. Все это своевременно было мною разсмотрѣно и оцѣнено въ родѣ статей по академическому вопросу, помѣщенныхъ въ настоящемъ изданіи*). Въ послѣдней изъ этихъ статей „Академическая свобода“ я обѣщалъ читателю резюмировать „итоги академическаго года“ въ отдѣльной статьѣ. Обѣщалъ и не выполнилъ обѣщаннаго, и не выполнилъ не потому, что забылъ или писать было нечего, а потому, что, слѣдя за жизнью нашей высшей школы, я не могъ опредѣлить, гдѣ-же собственно конецъ академическаго года и начало новаго?

Дѣло въ томъ, что при нормальныхъ условіяхъ академическій годъ оканчивался „разъѣздомъ“ студенчества по домамъ вслѣдъ за весенними экзаменами. Осень рѣдко служила продолженіемъ академической жизни, прерванной лѣтними каникулами. Обыкновенно „лѣто“ и „осень“ совершенно изглаживали изъ памяти студенчества впечатлѣнія до-каникулярнаго года и съ осени начиналась новая эра академической жизни. Такъ было прежде — не то теперь, когда лѣтнія каникулы не должны считаться рубежомъ между „злобами“ академическаго года,—такъ думалъ по крайней мѣрѣ я, нѣсколько разъ собираясь написать обѣщанную статью и откладывая ее за отсутствіемъ повода сказать, что студенчество считаетъ „годъ законченнымъ“.

И я не ошибся, выжидая появленія этой „грани“,—она возникла. Въ то время какъ студенчество, много пошумѣвшее, много снаивничавшее и „поскандалившее“, разбрелось изъ столицъ и уни-

*) См. статьи того-же автора въ книгахъ 1, 2, 5 и 8 журнала «Кладъ».

верситетскихъ городовъ, кто на практику, кто на уроки, а кто и на отдыхъ, когда оно временно разбилось, въ это время правительство озаботилось огражденіемъ себя отъ тѣхъ могущихъ послѣдовать непріятностей, какія способна породить созданная имъ, но „не любимая“ автономія высшей школы. Въ тиши отъ волненій академической жизни, пользуясь временнымъ отдыхомъ отъ нихъ, правительство выработало новыя положенія о высшей школѣ, или, вѣрнѣе, о студенчествѣ.

Въ началѣ іюля с. г. это положеніе, выработанное совѣтомъ министровъ, получило Высочайшее утвержденіе и было опубликовано.

Смыслъ этого „положенія“—правительство не признаетъ общестуденческихъ организацій, свободно дѣйствующихъ въ стѣнахъ даннаго учебнаго заведенія и входящихъ въ сношенія съ другими школами. Общестуденческой единицы не должно быть, хотя и допустимо „групповое общеніе“ студенчества почти исключительно на строго учебной почвѣ. Сходки приравнены къ публичнымъ собраніямъ, а контроль за ихъ программами и порядкомъ предоставленъ не только учебному начальству, но и полиціи. Но сравненіе сходокъ съ публичными собраніями въ отношеніи контроля ихъ полиціей только этой „льготой“ и ограничивается, такъ какъ въ случаѣ „публичности“ онѣ ограничены программой строго-учебнаго характера, въ противныхъ-же случаяхъ онѣ разрѣшаются исключительно только для мѣстнаго студенчества. Въ силу параграфа 7-го „положенія“ постороннія лица, хотя-бы и студенты другихъ учебныхъ заведеній, на „частныя собранія“ не допускаются. Всякія организаціи, не утвержденныя совѣтомъ профессоровъ университетовъ или иныхъ учебныхъ заведеній, признаются незаконными и, слѣдовательно, преслѣдуются полиціей, получившей новыя права надъ высшей школой...

Кромѣ полицейскаго надзора надъ студенчествомъ, учреждается новое карательное учрежденіе—профессорскій дисциплинарный судъ.

Вотъ смыслъ новаго „положенія“, создающаго (простите за каламбуръ) дѣйствительно „новое“ и нежелательное для студенчества „положеніе“...

Это дѣйствіе правительства—такая „грань“, которую врядъ-ли ожидало студенчество.

Ознакомясь съ „гранью“, бѣгло оглянемся назадъ, посмотримъ, что она скрыла за собою.

Академическая свобода, не „завоеванная“ студенчествомъ, „подаренная“ ему „въ минуту жизни трудную“ правительствомъ, разумѣется, имѣла и свои отрицательныя стороны. „Конфликты“ съ совѣтами профессоровъ, междоусобная распря среди студенчества и даже „дебоши“—все это, естественно, должно было сопровождать

„свободу“ той части нашего общества, которая изстари ратуетъ за „свободу во имя свободы“, не умѣя подчасъ разобраться въ суррогатахъ этой великой идеи, принимая за нее „позолоченное“ рабство...

Съ возобновленіемъ академической жизни правительство, общество и студенчество ждали отъ „свободной alma mater“ чего-то особеннаго. Первое—террора, второе—творческой и смѣлой политической борьбы, а само студенчество—чего? и само не знало.

Во всякомъ случаѣ академическій „муравейникъ“ оживился, зашумѣлъ, но, слава Богу, не оправдалъ того напряженнаго вниманія, которое на немъ было сосредоточено. Ни террора, ни творчества, ничего этотъ „муравейникъ“ не произвелъ, хотя въ глубинѣ его и произошла серьезная реакція, съ которой нельзя не считаться и которая доказала, что введеніе автономіи было и своевременно, и разумно. Я говорю про то несомнѣнное отчужденіе отъ политики высшей школы, которое, безспорно, произошло въ теченіе истекшаго года.

Шумѣла, „дѣйствовала“ (т. е., попросту, „играла въ парламентъ“), ругалась и даже „дралась“ маленькая горсточка студенчества. „Масса“-же работала, если не на славу русской науки, то хотя-бы для обезпеченія себѣ „патентованной“ платной работы въ будущемъ. Этотъ индифферентизмъ „массы“ не только къ политикѣ, но и къ мѣстнымъ студенческимъ организаціямъ сказался чуть-ли не въ началѣ учебнаго года. Если и наблюдалось „броженіе“ въ высшей школѣ, если и былъ кое-какой шумъ, то его создавала не масса, а горсточка, кстати сказать, весьма безцвѣтная и уже совершенно не опасная для правительства. Масса-же—повторяю—была до чрезвычайности индифферентна, даже болѣе того: она не только не загоралась отъ „горсточки“, но даже совсѣмъ поглощала, растворяла и обезличивала ее. Вспомните „конфликты“, совѣты старостъ, воевавшіе съ выбранными директорами и безславно „слагавшіе полномочія“ при несмѣняемости директоровъ. Вспомните, наконецъ, не состоявшійся митингъ въ петербургскомъ университетѣ 20-го февраля (въ день открытія второй думы),—не состоявшійся, благодаря нежеланію „массы“ устраивать бойню, хотя „горсточкѣ“ и хотѣлось „что-то устроить“ и самъ г. Алексинскій, пользуясь своей неприкосновенностью, очень не прочь былъ „показаться“ на студенческихъ дланяхъ...

Что не говорите, а побѣда оказалась за „массой“; горсточка-же, право, не сдѣлала ничего „страшнаго“, хотя безсознательно и давала „кусокъ хлѣба“ іт. охранникамъ.

Итакъ, студенчество, воспріявъ академическую свободу, не совершило никакого „адскаго коварства“, государства не разрушило, “ни-

спектора не побило" — пошумѣло немножко и на томъ успокоилось. Это весьма характерно, тѣмъ болѣе, что всѣ высшія школы въ минувшемъ учебномъ году были набиты сверхъ комплекта студентами и вольнослушателями.

Такъ прошелъ „чреватый событіями" 1906—1907-й учебный годъ, того-же, если не большаго спокойствія (я упираю на это слово, такъ какъ оно вѣрно опредѣляетъ минувшее) можно ожидать и въ наступающемъ академическомъ году, если правительство разумно разовьетъ свою идею академическаго успокоенія.

Во всякомъ случаѣ „весенній разъѣздъ" студенчества совершился мирно, безъ „рокового" вмѣшательства и содѣйствія полиціи...

Казалось-бы, что правительство, подведя итоги минувшаго года, могло убѣдиться, что автономія высшей школы не раздула пламени революціи, а, наоборотъ, показала, что студенчество—не столь огнеопасная среда, какъ это прежде казалось, когда оно искусственнымъ гнетомъ было поставлено въ особо благопріятныя для оппозиціи условія.

Но правительство иначе относится къ академическому вопросу. Оно, очевидно, мало вѣритъ спокойствію студенчества. Вслѣдъ за студенческими каникулами былъ выпущенъ рядъ циркуляровъ мѣстнаго характера, ограничивающихъ слишкомъ обильный притокъ молодежи въ высшія школы. Въ университеты затрудненъ пріемъ вольнослушателей, въ Лѣсномъ институтѣ возобновлены (повсюду признанные безполезными) конкурсные экзамены. Подобнаго рода ограниченія отнюдь не были вызваны необходимостью, такъ какъ практика истекшаго года показала, что обиліе учащихся не влечетъ за собою особыхъ затрудненій для учебнаго дѣла.

Но одними этими циркулярами правительство не ограничилось; оно выработало вышеуказанное „положеніе", стремящееся въ основѣ къ обезпеченію академическаго спокойствія. Это „положеніе", не въ примѣръ прочимъ, болѣе или менѣе разумно обосновано, и хотя не желательно для извѣстной части студенчества и общества, но по здравомъ размышленіи можетъ быть оправдано. Вѣдь, высшая школа—не политическая трибуна, не парламентъ, не филантропическое заведеніе и ужъ, конечно, не „ресторація". Факты прошлаго года показали (на нихъ-то и основано „положеніе"), что стѣны высшихъ школъ служили пріютомъ и для политики, и для не нужнаго для науки „академическаго парламента" (схватки съ профессорами, „захватное право" и т. п.), и для благотворительныхъ цѣлей, не всегда правильно организованныхъ, и, наконецъ, для того разгула „дикаго" юношества, который не поощряется даже въ учрежденіяхъ, спеціально посвященныхъ культу богини Венеры и бога

Бахуса *). Само собой понятно, что политика, междоусобицы, разгулъ и даже филантропія являются побочными и мало полезными для господства науки элементами въ высшей школѣ. Исключить ихъ изъ школы было-бы весьма желательно, но придавать имъ особо важное значеніе—значитъ, вдаваться въ преувеличеніе. Совершенно соглашаясь съ „положеніемъ", исключающимъ эти „элементы", все-таки слѣдуетъ признать, что, согласно пословицѣ, „не такъ страшенъ чертъ, какъ его малюютъ", студенческая горсточка врядъ-ли способна расшевелить „массу", революціонизировать ее или развратить. Вѣдь, въ каждомъ обществѣ имѣются нежелательные элементы, производящіе единичные скандалы какъ на политической, такъ и на общественной почвѣ, но ни одно общество не находится подъ такимъ вниманіемъ, какъ студенческое. Все совершившееся въ средѣ студенчества переносится на „массу". Врядъ-ли только подобное обобщеніе правильно.

Вслѣдъ за опубликованіемъ „положенія" послѣдовало обсужденіе его въ періодической печати, склонной—увы!—не менѣе правительства къ преувеличеніямъ. „Положеніе" было растолковано обществу, какъ уничтоженіе автономіи и даже какъ поводъ къ новымъ осложненіямъ въ академической жизни. Къ послѣднему мнѣнію отчасти присоединился и пишущій эти строки, такъ какъ, зная „вожаковъ" студенчества и среду, въ которой они агитируютъ, среду, составленную почти исключительно изъ „новенькихъ" студентовъ, онъ находилъ, что „положеніе" весьма на руку „вожакамъ", какъ „тема" для протеста во имя протеста...

Но не будемъ заглядывать въ будущее, читатель, тѣмъ болѣе, что многое въ этомъ будущемъ зависитъ какъ отъ правительства, такъ и отъ наиболѣе разумнаго студенчества. Первое ни въ коемъ случаѣ не должно ограничиться вопросомъ только о спокойствіи школы—нѣтъ, оно обязано строго опредѣлить самыя задачи высшей школы, назначеніе ея, права и обязанности лицъ, идущихъ въ школу ради науки, ради просвѣщенія. Правительство обязано разъяснить, что, какъ по крайней мѣрѣ мы понимаемъ его дѣйствія, оно не посягаетъ на дѣйствительную академическую свободу, свободу плановъ и программъ предметовъ преподаванія, какъ и самаго преподаванія по той или иной выработанной профессорской коллегіей, а не бюрократіей, системѣ. Оно должно болѣе рельефно выдѣлить преслѣдуемую имъ цѣль — обезпеченіе спокойствія въ высшей школѣ, а не вмѣшательство въ ея задачи. Это оно обязано сдѣлать для

---

*) Интернатъ Лѣсного института закрытъ по ходатайству совѣта профессоровъ, вслѣдствіе возникновенія въ его стѣнахъ новаго пьянаго студенческаго общества, извѣстнаго подъ общимъ именемъ «огарки».

того, чтобы студенчество и общество поняли, что именно правительство беретъ обратно изъ „спѣшно и необдуманно“ уступленнаго высшей школѣ. Если это разъясненіе послѣдуетъ, то есть, дѣйствительная и главная, а не созданная по недоразумѣнію автономія высшей школы, столь необходимая для просвѣщенія Россіи, будетъ упрочена, то съ нею вмѣстѣ само по себѣ послѣдуетъ и академическое успокоеніе.

Вѣдь, обращеніе высшей школы исключительно въ храмъ знаній — не абсурдъ, не утопія, вѣдь, такія школы существуютъ на Западѣ, существуютъ и у насъ въ военномъ вѣдомствѣ, гдѣ контингентъ учащихся ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть признанъ политически бездушнымъ или непремѣнно черносотеннымъ. На Западѣ высшая школа изолирована отъ политики, благодаря своимъ строго научнымъ или практическимъ задачамъ, правильной постановкѣ учебнаго дѣла и значительно удаленнымъ отъ него меркантельнымъ задачамъ учебнаго заведенія, выдвинутымъ у насъ на первое мѣсто, благодаря обилію „значковъ“ и „званій“. На Западѣ почти всюду введена автономія, почти вездѣ учебное заведеніе является очагомъ науки, раздача-же дипломовъ составляетъ привилегію не каждой школы. У насъ все, какъ говорится, наоборотъ и въ этомъ главная причина всѣхъ неурядицъ русской академической жизни. На эту сторону правительство обязано обратить вниманіе, поручивъ переустройство школы тѣмъ лицамъ, которыя стоятъ во главѣ учебнаго, а не административнаго дѣла, то есть, профессорской коллегіи.

Это—одна сторона дѣла. Другая—строгое опредѣленіе правъ и обязанностей учащихся — дастъ имъ возможность даже при наличности самой суровой дисциплины мирно получать высшее образованіе. Возьмите наши военныя академіи. Ужъ чего, кажется, суровѣе можно придумать существующихъ тамъ правилъ и дисциплины! И ничего... военное вѣдомство можетъ щегольнуть не только внутреннимъ порядкомъ школы, но и сравнительно высокимъ образовательнымъ уровнемъ ея питомцевъ. Почему это такъ? Во всякомъ случаѣ не отъ черносотеннаго подбора учащихся, не отъ одной только дисциплины, а отъ строго опредѣленныхъ задачъ школы, обслуживающей нужды военнаго вѣдомства, добившейся вполнѣ опредѣленнаго даже въ числовомъ отношеніи выпуска интеллигентныхъ работниковъ. Но зато и положеніе учащихся въ этихъ школахъ матеріально обезпечено, идущій въ нее офицеръ знаетъ, что во время прохожденія курса онъ можетъ заниматься только курсомъ, а не заботой о кровлѣ и хлѣбѣ, на что обречено наше студенчество. Онъ знаетъ, что отъ него потребуется серьезное знаніе академическаго курса, но знаетъ и тѣ привилегіи, которыя создастъ ему это знаніе.

Я далекъ отъ мысли восхищаться высшей военной школой, признавать ее идеальной—и у нея, разумѣется, есть свои недочеты. Но эта школа выше гражданской (университетовъ и спеціальныхъ техническихъ институтовъ), такъ какъ въ ней нѣтъ той лжи, которая господствуетъ въ послѣднихъ. Ложь нашей высшей школы (не военной) очевидна. Она проявляется и въ программѣ школы, и въ прохожденіи курсовъ, и въ экзаменахъ, и въ практическихъ работахъ, и въ дипломахъ, и въ „знакахъ". Лгутъ студенты, „на-спѣхъ" проглотившіе курсы, лгутъ экзаменующіе ихъ профессора, лгутъ дипломы, далеко не гарантирующіе знанія, лгутъ и вѣдомства, довѣряющія этимъ дипломамъ.

Подобная ложь должна быть уничтожена въ корнѣ, а для этого правительство честно должно поставить вопросъ—какія школы нужны Россіи для ея промышленнаго и правового развитія, и, выдѣливъ ихъ въ особую группу, ну, хотя-бы по образцу военнаго вѣдомства, „привилегированныхъ" школъ, обставить ихъ такъ, чтобы относительно правъ и обязанностей учащихся не было никакихъ недомолвокъ, никакого сомнѣнія. Подобная постановка академическаго вопроса разъ навсегда положила-бы конецъ академическимъ неурядицамъ. Созданіе-же „свободной" отъ режима и диплома высшей школы возможно только при участіи самого общества и скорѣйшемъ проведеніи въ жизнь всеобщей грамотности.

Молодежи.

Вамъ, наша молодежь, привѣтъ нашъ и поклонъ!
Вы—старости сѣдой надежда и отрада,
Вы озаряете нашъ мрачный небосклонъ
И въ васъ за прошлое желанная награда.

* * *

Промчалась жизнь-моментъ, и вотъ ея конецъ,
Но скрашенъ вами онъ въ послѣднее мгновенье:
Вѣдь, вы—ея краса, ея святой вѣнецъ
И въ васъ не будемъ мы во-вѣки знать забвенье.

* * *

Играйте, пойте, вы полны веселья всѣ...
Пускай звучитъ вашъ смѣхъ, и радостный, и милый,
Пусть жизнь въ васъ расцвѣтетъ во всей своей красѣ
И мимо васъ летитъ мигъ горести унылой!

Осипъ Кудинъ.

Доходная статья—народное горе.

Статья **В. А. Пинчука.** (Окончаніе. См. «Кладъ», книга 15-я.)

V.

Мѣры для уменьшенія пьянства.

Мѣры, принимавшіяся попечительствами о народной трезвости противъ пьянства, какъ извѣстно, ни къ чему не привели. Попечительства устраивали театры, соединенные съ «чайными-столовыми», гдѣ имѣлись газеты, граммофоны и проч., но чайныя-столовыя далеко не вездѣ привились: многія изъ нихъ закрылись, просуществовавъ очень короткое время. Наибольшій успѣхъ имѣли и имѣютъ устроенные въ большихъ центрахъ народные дома. Однако, они нисколько не уменьшили пьянства, хотя сами, повидимому, да и то при большой правительственной субсидіи, процвѣтаютъ. Въ столицахъ пьянство возрасло со введенія монополіи до очевидности: стали пить подростки и дѣти; и нерѣдко приходится на улицахъ обѣихъ столицъ видѣть пьяныхъ мальчиковъ, порой не болѣе десяти-одиннадцати лѣтъ. На нихъ нельзя смотрѣть безъ жалости, но въ то-же время и съ презрѣніемъ: они внушаютъ какое-то враждебное чувство и ко всей системѣ продажи вина, и къ городскому населенію. Пьянство среди дѣтскаго городского населенія развивается, благодаря продажѣ вина въ мелкой посудѣ. Говорятъ: «Да, вѣдь, сидѣлецъ не имѣетъ права продавать вино малолѣтнимъ». Такой законъ, дѣйствительно, существуетъ, но онъ не исполняется, и это всѣ знаютъ. И сидѣлецъ казенной винной лавки не виноватъ. Подростки добываютъ вино и изъ трактировъ черезъ прислугу, и изъ ренсковыхъ погребовъ непосредственно (указывая на то, что ихъ за виномъ послали старшіе; при этомъ называются ремесленная фирма или торговое заведеніе, извѣстныя лавкѣ).

Да и изъ казенныхъ винныхъ лавокъ получаютъ дѣти вино. Кто-же изъ столичныхъ жителей не видѣлъ у казенной винной лавки дѣтей, ждущихъ чего-то? Входитъ въ лавку взрослый, и къ нему обращается подростокъ:

— Дяденька, миленькій, вотъ вамъ деньги, возьмите и для меня сотку.

«Добрый дяденька» беретъ деньги и покупаетъ, что требуется мальцу. Въ рѣдкихъ случаяхъ этотъ добрякъ спроситъ ребенка:

— А для кого ты водку берешь?

На этотъ вопросъ слѣдуетъ обычный отвѣтъ:

— Для мастера, или: для тятеньки, или: для маменьки.

Вопросъ задается только, какъ говорятъ, для проформы. «Доброму дяденькѣ» рѣшительно безразлично, кто выпьетъ водку, купленную имъ по порученію ребенка. Въ результатѣ вы встрѣчаете маленькихъ пьяницъ повсюду: среди ремесленнаго люда,

среди учащихся низшихъ училищъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

Да, да, и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ идетъ пьянство, даже въ женскихъ. Пишущему эти строки лично извѣстны случаи пьянства въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ двухъ портовыхъ городовъ. Нѣтъ надобности называть эти города и учебныя заведенія, но отмѣтить самый фактъ надо. Педагогическіе совѣты этихъ учебныхъ заведеній своевременно приняли противъ порока свои мѣры, но не давали огласки самимъ фактамъ по причинамъ весьма понятнымъ. Что въ нашихъ духовныхъ мужскихъ училищахъ и семинаріяхъ пьянство въ настоящее время идетъ не меньшее, чѣмъ въ бурсѣ Помяловскаго, объ этомъ много трактовалось въ ежедневной прессѣ.

Объяснить это надо только практикующейся нынѣ продажей казеннаго вина. О пьянствѣ среди учащихся надо говорить отдѣльно. Съ нимъ надо вести борьбу во-всю, съ энергіей и настойчивостью. Не развитіемъ-ли алкоголизма у дѣтей объясняются разныя уродливыя проявленія въ жизни нашей молодежи?

Подростки пьянствуютъ и въ деревнѣ, но меньше, чѣмъ въ городѣ. Объясняется это, во-первыхъ, отсутствіемъ у деревенскихъ дѣтей денегъ, а во-вторыхъ, и тѣмъ, что нашъ народъ въ своей массѣ пьяницъ презираетъ и строго относится къ дѣтямъ; тѣмъ не менѣе и тамъ пьянство среди молодежи все больше и больше укрѣпляется.

Извѣстны многочисленные примѣры, когда сельскія общества просили власть имущихъ закрыть у нихъ казенныя винныя лавки, не разрѣшать открытія новыхъ, но такія просьбы въ большинствѣ случаевъ до послѣдняго времени оставлялись безъ вниманія. Извѣстно также стремленіе въ народѣ обуздать себя отъ пьянства выдачей священнику обязательства не пить вина въ теченіе полугода или года. Это обязательство строго исполняется вологодцами и ярославцами, напримѣръ, проживающими въ столицѣ, но зато, когда наступитъ окончаніе запретнаго срока, давшій обѣтъ дѣлается на нѣсколько дней, а иногда и недѣль, самымъ страстнымъ потребителемъ казенной водки. Этотъ способъ ограниченія пьянства, привитый народу нашимъ духовенствомъ, развиваетъ другой порокъ—«запой». Послѣдній гораздо страшнѣе ежедневнаго потребленія вина. Запойные совершаютъ многочисленныя преступленія, не понимая сами, что дѣлаютъ. Запойный всегда страшнѣе пьяницы и притомъ запой разоряетъ до-тла предающагося ему. Мало того, запойные распространяютъ пьянство въ своей средѣ, спаивая другихъ.

Духовенство, проповѣдующее дачу временныхъ обѣтовъ отказа отъ вина, смотритъ на это дѣло, по нашему мнѣнію, крайне односторонне. Что священникъ дѣлаетъ послѣ того, какъ отберетъ письменное обѣщаніе? Даетъ брошюру противъ пьянства и больше ничего. Если наше духовенство обратитъ вниманіе на вредъ отъ запоя, если оно сумѣетъ привлечь къ своимъ собесѣдованіямъ свою паству, если оно будетъ вообще благожелательно къ населенію, тогда оно въ состояніи будетъ бороться съ народной болѣзнью. И прежде всего оно само должно быть воздержно. А такъ-ли это на дѣлѣ? Съ горечью приходится отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно.

Отчего штундисты и разные другіе сектанты не пьянствуютъ и даже не пьютъ? Да потому, что ихъ учители строго соблюдаютъ то, что сами проповѣдуютъ.

Помощникомъ въ этомъ дѣлѣ нашему духовенству долженъ быть народный учитель, искренне преданный своему дѣлу, вполнѣ образованный, сознающій весь вредъ пьянства, близкій народной средѣ.

Но положеніе священника, какъ и учителя, должно быть непремѣнно самостоятельнымъ, не зависящимъ матеріально отъ населенія. Тогда они, сообща служа ему духовно и умственно, могутъ оказать на него вліяніе во всѣхъ сферахъ его жизни, тогда только мы можемъ надѣяться на оздоровленіе нашего народа и искорененіе въ немъ порока, который, съ одной стороны, обогащаетъ государственную казну, но зато, съ другой, въ конецъ разоряетъ населеніе.

Обогащеніе казны на 600 милльоновъ въ годъ—сумма громадная, но, уплачивая за водку, народъ въ то-же время неаккуратенъ въ платежѣ прямыхъ своихъ повинностей и, чтобы взыскать ихъ, надо продавать имущество неисправнаго плательщика и тѣмъ разорять его еще больше.

Мы жалуемся на частые неурожаи, постигающіе въ послѣднее время Россію. Однако, эти неурожаи не всегда объясняются причинами стихійными, но въ значительной степени также и плохой культурой. Гдѣ-же взяться этой культурѣ, когда поле зачастую нечѣмъ какъ слѣдуетъ обработать, благодаря тому, что крестьянское хозяйство разорено?

Когда въ неурожайныхъ мѣстностяхъ казна даетъ зерно на обсѣмененіе полей, оказывается, что вспахать поле нечѣмъ. Нерѣдко при этомъ оказывалось, что это зерно продавалось крестьянами, а деньги пропивались. Такая участь постигала не только сѣменное зерно, но и продовольственное. Одинъ изъ губернаторовъ обратилъ на это особенное вниманіе и, какъ сообщали газеты, въ прошлую продовольственную кампанію распорядился въ мѣстахъ прибытія для помощи населенію зерна закрыть на время всѣ казенныя винныя лавки и прекратить вообще продажу спиртныхъ напитковъ. Результатъ оказался прекраснымъ: населеніе сохранило свой хлѣбъ и во-время засѣялось. Эта мѣра, какъ говорятъ, была признана произвольной. На нашъ-же взглядъ, разъ она достигла цѣли, она уже является не произвольной, а цѣлесообразной.

Наши власти, защищающія нынѣшнюю систему казенной продажи вина, указываютъ, между прочимъ, на то, что въ настоящее время въ Россіи нѣтъ тайнаго винокуренія, забывая о томъ, что зато сильно распространилась, какъ мы это уже доказали, тайная продажа вина. Эта-то продажа и способствуетъ распространенію пьянства. Когда говорятъ о повышеніи цѣны на вино, то обыкновенно возражаютъ, что съ повышеніемъ цѣны распространится вновь тайное винокуреніе и народъ станетъ пить суррогаты алкоголя, что отразится на народномъ здоровьѣ, увеличитъ его смертность. Все это въ области гаданія. Со введеніемъ казенной монополіи водка въ цѣнѣ сильно возрасла, а тайное винокуреніе прекратилось. Это говоритъ о противномъ. Если повысить стоимость обыкновеннаго вина до 20 рублей за ведро, то въ народѣ, несомнѣнно, потребленіе его

сократится, а его питаніе отъ этого не ухудшится, но улучшится, что видно изъ ранѣе приведенныхъ нами данныхъ.

Нельзя не отмѣтить отраднаго факта, имѣвшаго мѣсто въ Петербургѣ. 18-го іюля союзъ борьбы съ пьянствомъ созвалъ на Выборгской сторонѣ многолюдный митингъ изъ рабочихъ разныхъ фабрикъ и заводовъ. На митингѣ, послѣ рѣчей ораторовъ противъ пьянства, собравшіеся дали торжественное обѣщаніе о полномъ отказѣ отъ потребленія вина. Затѣмъ собраніе обсуждало мѣры борьбы противъ пьянства. Собраніе тутъ-же нашло нужнымъ прежде всего вступить всѣмъ составомъ въ союзъ.

На нашъ взглядъ, этотъ союзъ долженъ встрѣтить поддержку во всѣхъ слояхъ нашего общества. Такіе союзы имѣются въ Царствѣ Польскомъ, Прибалтійскомъ краѣ и Финляндіи—только на окраинахъ, къ сожалѣнію. Дѣло нашихъ пастырей и учителей образовать подобные союзы въ центральныхъ губерніяхъ.

Не надо забывать слѣдующія ужасныя цифры:

«Въ Европейской Россіи умерло отъ опоя водкой за время съ 1870 по 1887 годъ 85.200 человѣкъ, т. е., въ среднемъ 5.000 человѣкъ въ годъ. Изъ общаго числа разсмотрѣнныхъ въ 1885—1894 гг. дѣлъ уголовнаго отдѣленія казанскаго окружного суда 42,68% приходилось на преступленія алкоголиковъ. Въ петербургскихъ больницахъ лечилось отъ алкоголя въ періодъ 1886—1897 гг. 20.508 мужчинъ и 2.534 женщины».

Это-ли не ужасающія цифры! Смѣю увѣрить читателя, что въ послѣднее время онѣ не понизились, а сильно возрасли. Это-ли—не народная болѣзнь, не народное горе?

Борьба съ этимъ зломъ должна лежать не на одномъ правительствѣ, а на всѣхъ классахъ общества, всѣхъ его сословіяхъ. Этотъ врагъ. это зло сильнѣе всякихъ эпидемій холеры, чумы, чахотки, всего, чего хотите.

VI.

Заключеніе.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ сказать кое-что о послѣднихъ годахъ существованія у насъ казенной продажи питей. На это насъ навело послѣднее извѣстіе изъ сферы дѣятельности въ отношеніи ея нашего министерства финансовъ.

Дѣло въ томъ, что съ іюля мѣсяца въ Петербургѣ на о. Голодаѣ начался пріемъ акцизнымъ вѣдомствомъ спирта, прибывшаго изъ-за границы.

«Какъ, неужели еще мало у насъ своего спирта?»—спроситъ изумленный читатель. Да, очевидно, его на этотъ годъ у насъ не хватило. Возросшее потребленіе вина вызвало эту мѣру и потребовалось, по расчету министерства финансовъ, 1.500.000 ведеръ спирта, которые не могутъ доставить наши заводы въ кампанію этого года.

Не забудьте, что мы уже приблизительно вычислили, что въ текущемъ году при принятой минист. финансовъ средней нормѣ душевого потребленія вина 0,55 ведра, на все населеніе Россіи его потребуется 81.840.000 ведеръ, что должно дать, по существующей расцѣнкѣ обыкновенной водки, 654.472.000 рублей, а ожидать почти навѣрняка можно 641.541.523 рублей.

До 1903 года общее потребленіе казеннаго вина въ Россіи,

по отчетамъ министерства финансовъ, составляло около 70 милльоновъ ведеръ въ годъ (кстати тутъ добавить: при 54 милльонахъ ведеръ потребляемаго пива). Съ 70 милльоновъ въ теченіе четырехъ лѣтъ потребленіе вина возрасло (ну, конечно, съ увеличеніемъ населенія) на 11 милльоновъ и наши заводы оказались несостоятельными въ удовлетвореніи «народной потребности» и, пришлось, повторяемъ, обратиться за спиртомъ за границу и пріобрѣсти тамъ $1^1/_2$ милльона ведеръ.

Этотъ спиртъ пріобрѣтенъ казною по 66 коп. за ведро, что составитъ сумму въ 990.000 рублей. Заграничный спиртъ въ 96,7°, нашъ былъ 94,5° и иногда 95°. Стоимость нашего спирта 86 коп., т. е., если-бы $1^1/_2$ милльона ведеръ могли быть доставлены нашими заводами, то пришлось-бы заплатить за то-же количество 1.290.000 рублей. Выходитъ, что министерство финансовъ какъ-будто на полученіи заграничнаго спирта сдѣлало значительную экономію, т. е., поступило хозяйственно. Къ тому-же говорятъ, что недостатокъ внутренняго спирта объясняется нашими неурожаями хлѣба.

На этотъ счетъ мы нѣсколько иного мнѣнія. Во-первыхъ, 990.000 рублей безслѣдно уйдутъ отъ насъ за границу, во-вторыхъ, это—плохой прецедентъ для будущаго. Нѣтъ, уже лучше-бы эти деньги остались цѣликомъ въ Россіи. Къ тому-же заграничный спиртъ исключительно картофельный, тогда какъ нашъ въ большинствѣ зерновой. При введеніи казенной монополіи говорилось, что спиртъ на водку будетъ употребляться лишь хлѣбный, но въ дѣйствительности это оказалось невозможнымъ, по разнымъ причинамъ, которыя мы здѣсь разбирать не станемъ. Словомъ, при такихъ условіяхъ данная операція министерства финансовъ намъ кажется далеко не хозяйственной. Если ужъ понадобился спиртъ, то лучше было-бы взять свой-же картофельный (если эта мѣра вызвана недородомъ зерновыхъ хлѣбовъ),—чѣмъ обращаться за нимъ за границу. У насъ, вѣдь, неурожая въ картофелѣ не было.

Вотъ еще нѣсколько цифръ по этому поводу.

1902 годъ былъ тоже неурожайнымъ, а по отчету 1903 года площадь пахотной земли, занятая рожью, кукурузой, просомъ, овсомъ, пшеницей, ячменемъ, картофелемъ для надобностей винокуренныхъ заводовъ, составляла 2.075.827 десятинъ. Собиралось съ этой площади продуктовъ 146.710.000 пудовъ. (Бывали годы, что съ той-же площади собирали и 156.000.000 пудовъ, не считая 10.000.000 пудовъ ячменя для пива.) Мы увѣрены, что площадь пахотной земли для надобностей винокуренныхъ заводовъ не уменьшилась съ тѣхъ поръ, а увеличилась; неурожая въ этомъ году не предвидится; къ чему-же было обращаться за спиртомъ за границу, а не расширить кампанію производства спирта дома? Разъ онъ (въ этомъ случаѣ *)—зло, съ которымъ по разнымъ соображеніямъ борьба невозможна, то лучше допустить излишнюю выдѣлку своего спирта, чѣмъ увеличивать народный расходъ выкидываніемъ за границу милльона рублей.

Послѣдними словами мы вовсе не желаемъ сказать, что

*) Спиртъ, вѣдь, идетъ не на одно вино, а нуженъ и для другихъ надобностей. Пріобрѣтаемый за границей идетъ исключительно на надобности казенной продажи питей.

находимъ лично борьбу со зломъ, каковымъ является пьянство, невозможной; напротивъ, мы уже указывали, что для этого нужно, и прежде всего на первомъ планѣ должно быть единеніе въ такой борьбѣ общества съ правительствомъ. Но дѣло въ томъ, что послѣднее въ самой казенной продажѣ питей видитъ такую доходную статью для государственной казны, которую въ данное время нечѣмъ замѣнить другимъ. Мы полагаемъ, что эта статья можетъ остаться, но расширять ея доходность нельзя, а необходимо ее сокращать. Какіе-же для этого пути?

Кромѣ вышеуказанныхъ, необходимо найти другіе способы хозяйствованія этой статьей, которые дали-бы возможность избавиться отъ тайной продажи вина, употреблять доходы этой статьи не на общегосударственныя нужды, а, главнымъ образомъ, на усиленіе въ народѣ образованія. Возможно это сдѣлать такимъ образомъ. Мы уже предлагали повысить стоимость вина хотя-бы вдвое и даже болѣе, но повышеніе обратить на нужды народнаго просвѣщенія. Говорятъ, что это сразу невозможно. Мы и не споримъ противъ этого, но, вѣдь, и сама-то монополія была у насъ введена далеко не сразу. Можно тотъже пріемъ употребить и теперь, сдѣлавъ опытъ повышенія въ два или три года, но это повышеніе должно быть одинаково для всей Россіи, напримѣръ, по 4 рубля на ведро въ годъ. При всемъ этомъ по продажѣ казенныхъ питей всѣ частныя заведенія должны быть приведены къ одной нормѣ, безъ всякихъ преимуществъ для того или другого разряда,—и одновременно необходимо усилить строгость надзора за тайной продажей вина и повысить мѣру наказанія за таковую продажу.

Надо быть отзывчивымъ къ требованіямъ сельскихъ обществъ о закрытіи у нихъ казенной винной лавки, о недопущеніи трактира или открытія новой лавки. У насъ-же практикуется другое: раньше сокращали число частныхъ заведеній, торгующихъ виномъ, теперь-же новыя разрѣшаются къ открытію весьма легко. Такіе скачки отъ одного принципа къ другому недопустимы ни въ какомъ дѣлѣ, почему-же они допустимы здѣсь?

Ренсковые погреба и трактиры съ продажей спиртныхъ напитковъ растутъ, какъ грибы въ дождливое лѣто. Мало того, въ тѣ дни, когда казенныя винныя лавки закрыты, тѣ и другіе торгуютъ, съ той лишь разницей, что ренсковые погреба имѣютъ права, какъ всегда, торговать только на выносъ, а трактиры—только распивочно (въ остальные дни послѣдніе торгуютъ и распивочно, и на выносъ). Народъ, характеризуя законъ о праздничномъ отдыхѣ торговцевъ, справедливо говоритъ: «въ праздникъ хлѣба, керосина купить трудно, а водки сколько угодно».

Если мы хотимъ дѣйствительно бороться съ народнымъ пьянствомъ, то, конечно, не способомъ предоставленія льготъ различнымъ торговцамъ, продающимъ спиртные напитки.

Надо знать, что стѣснительные мѣры по отношенію къ открытію различнаго рода питейныхъ заведеній ослаблены въ 1904 году, и съ этого года потребленіе водки стало возрастать очень быстро. Это какъ нельзя больше подтверждаетъ положеніе Н. Р. Минцлова, приведенное въ началѣ статьи: «Чѣмъ больше мѣстъ продажи вина, тѣмъ больше его расходится».

Вотъ разительные примѣры изъ сообщеній министерства финансовъ. Тульская губернія съ 1-го іюля 1904 года по 1-ое

іюля 1905 года пропила 5.000.000 рублей, а съ 1-го іюля 1905 г. по 1-ое іюля 1906 г. 6.200.000 рублей. Въ этотъ годъ она была въ числѣ голодающихъ и получила 1.400.000 рублей пособія отъ казны, т. е., она пропила свою прошлогоднюю норму и значительную часть (или почти все) пособія. Въ Калужской губерніи въ 1905 г. выпито на 60.000 ведеръ больше, чѣмъ въ предыдущемъ.

Намъ могутъ сказать, что это противорѣчитъ тому, что мы говорили раньше. Мы не видимъ противорѣчія, мы указывали на то, что душевое потребленіе вина отъ сокращенія мѣстъ продажи не уменьшилось, зато воскресла тайная продажа вина. Съ увеличеніемъ числа мѣстъ продажи тайная продажа все-же не уменьшилась, но потребленіе вина расширилось. И въ данномъ случаѣ мы видимъ лишь безсистемность со стороны вѣдомства, въ рукахъ котораго находится казенная продажа питей.

Что касается до Петербурга, то онъ въ послѣдніе годы сдѣлался безусловно пьянымъ городомъ. По даннымъ петербургскаго акцизнаго управленія, наша столица потребляетъ 3.000.000 ведеръ водки въ годъ, что составитъ душевое потребленіе вина 2,4 ведра, а на долю взрослаго, причемъ такимъ считается достигшій болѣе 16 лѣтъ,—приходится 5,5 ведра. Пива производится въ Петербургѣ 7.000.000 ведеръ, привозится въ него 400.000 ведеръ, а вывозится 1.200.000 ведеръ. Такимъ образомъ, въ Петербургѣ все-же остается 6.200.000 ведеръ, что составитъ на каждаго жителя (душевого потребленія) по 4 ведра въ годъ, а на взрослаго (при томъ-же условіи) 11 ведеръ. Сверхъ того, ежегодно доставляются и продаются 200.000 бутылокъ арака, рома, французской водки и винограднаго вина 700.000 бутылокъ. Дальше этого, кажется, идти въ такомъ направленіи некуда.

Приводить иллюстраціи того, до чего доводитъ пьянство, намъ кажется, нѣтъ надобности: онѣ имѣются ежедневно во всякой газетѣ, но нельзя не отмѣтить того факта, что пьяницы настоящаго времени вызываютъ къ себѣ не только омерзеніе, со стороны трезвенниковъ, но озлобленіе. Недавно еще газеты передали невѣроятный фактъ изъ жизни рабочихъ. Изъ трехъ человѣкъ, жившихъ на одной квартирѣ, двое допились до того, что пропили съ себя всю одежду и стали приставать, чтобы третій или далъ имъ денегъ на пьянство, или отдалъ въ ихъ распоряженіе свою одежду. Раздраженный приставаніями послѣдній напалъ на нихъ съ ножомъ и, будучи сильнѣе, нанесъ имъ такія раны, послѣ которыхъ они вскорѣ скончались. При этомъ убійца сказалъ: «пьяницамъ нѣтъ мѣста на землѣ». Скажутъ: «это — сумасшедшій». Можетъ быть это и такъ, но что его довело до этого состоянія? Одна уличная гнусная брань пьяныхъ, стоящая въ столичномъ уличномъ воздухѣ отъ самаго ранняго утра до поздней ночи, способна озлобить всякаго нервнаго человѣка. Законъ, принятый въ одномъ изъ швейцарскихъ кантоновъ (Ваадъ) о заключеніи пьяницъ въ спеціальные дома-тюрьмы, имѣетъ за собою глубокое основаніе: пьяницу можно лечить съ успѣхомъ, лишь изолировавъ его, къ тому-же они представляютъ опасность не только для отдѣльныхъ лицъ, но угрожаютъ и соціальному строю.

КОНЕЦЪ.

Хуторское хозяйство.

Статья Н. В. Алексѣева.

Общинное землевладѣніе, хотя и нѣсколько поздно, признано правительствомъ не соотвѣтствующимъ нуждамъ русской деревни. Рядъ новыхъ законодательствъ по аграрному вопросу указываетъ на стремленіе правительства помочь крестьянству выдти изъ того «заколдованнаго круга ошибокъ», какимъ, безспорно, являлись «община» и связанное съ нею черезполосное землевладѣніе. Законы прошлаго года (о выходѣ изъ общины, о ссудахъ при покупкѣ земель и подъ надѣльныя земли) были нами разсмотрѣны въ статьѣ «Свободное крестьянство» *) и потому мы къ нимъ возвращаться не будемъ Отмѣтимъ только, что въ этихъ законахъ, какъ и въ послѣднемъ циркулярѣ комитета по землеустроительнымъ дѣламъ (отъ 12-го іюня текущаго года) весьма замѣтно чувствуется идея правительства объ измѣненіи крестьянскаго землепользованія въ смыслѣ широкой организаціи хуторского хозяйства. Въ циркулярѣ отъ 12-го іюня эта идея особенно ярко выражена, такъ какъ ссуды на покупку земель предположено выдавать только тѣмъ крестьянамъ, которые откажутся отъ чрезполоснаго владѣнія.

Въ стремленіи правительства къ уничтоженію «общины» слѣдуетъ видѣть дѣйствительно разумную и прямо вытекающую изъ жизни мѣру къ улучшенію не только крестьянскаго землевладѣнія, но и землепользованія. Противъ того, что «община» устарѣла или даже всегда была далека отъ совершенства, спорить трудно, мы ее подробно разсмотрѣли въ своихъ статьяхъ по аграрному вопросу и возвращаться къ ея переоцѣнкѣ не будемъ **). Гораздо интереснѣе вопросы, въ какой степени желательно выдвигаемое правительствомъ хуторское хозяйство. Можетъ-ли оно способствовать экономическому возрожденію русской деревни? Въ чемъ его преимущество предъ общиной? На эти вопросы мы и постараемся дать болѣе или менѣе обоснованные отвѣты читателю въ настоящей статьѣ, разобравъ различные доводы «за» и «противъ» хуторского разселенія.

* * *

Начнемъ съ того, что хуторское хозяйство, являясь одной изъ господствующихъ формъ крестьянскаго землевладѣнія въ Западной Европѣ и Америкѣ, у насъ, въ Россіи, не новинка. Правда, до сихъ поръ оно было ничтожно въ сравненіи съ общиннымъ землевладѣніемъ, но и на ряду съ послѣднимъ оно существуетъ у насъ съ шестидесятыхъ годовъ прошлаго сто-

*) См. „Кладъ“ текущаго года. Книга 1-я.
**) См. „Выгоды и недостатки крестьянской общины“ „Кладъ“. Книга 15-я.

лѣтія въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи.

Собственно говоря, хуторское хозяйство возникло у насъ значительно раньше освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Такъ, въ Царствѣ Польскомъ хуторское разселеніе началось еще въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, куда оно проникло изъ Пруссіи. Устраивались на хуторахъ, или, какъ тамъ принято говорить, въ колоніяхъ, главнымъ образомъ, казенные крестьяне, которые въ то время переводились съ барщины на оброкъ. Особенно-же быстрое разселеніе въ этомъ раіонѣ началось въ семидесятыхъ годахъ, когда «освобожденные» крестьяне принялись за него по собственному почину безъ всякаго насильственнаго принужденія. Началось разселеніе съ Сувалкской губерніи, откуда вскорѣ было перенято и въ сосѣднихъ губерніяхъ.

Къ концу семидесятыхъ годовъ нѣмцы-колонисты, ознакомившись съ выгодами заведеннаго поляками хуторского хозяйства, начали переселяться на Волынь, гдѣ они пріобрѣтали вырубa помѣщичьихъ лѣсовъ, дѣлили ихъ между собою на отрубные участки и селились отдѣльно, каждый на своемъ участкѣ *). Такимъ образомъ, на Волыни нѣмцы явились піонерами хуторского разселенія. Успѣхъ ихъ хозяйничанья вызвалъ среди мѣстнаго населенія движеніе въ пользу перехода отъ общины къ хуторамъ. Правда, разселеніе происходило довольно медленно, но годъ отъ года число хуторовъ возрастало и въ настоящее время въ одномъ только Житомірскомъ уѣздѣ насчитывается свыше 10.000 отдѣльныхъ хуторовъ, образовавшихся отъ 70 разселившихся деревень.

На югѣ Россіи хуторское разселеніе возникло, также благодаря примѣру нѣмцевъ-колонистовъ, выше къ сѣверу латыши и эстонцы-переселенцы съ неменьшимъ успѣхомъ знакомили крестьянъ-бѣлорусцевъ съ выгодами хуторского хозяйства. Такимъ образомъ возникли хутора въ Витебской, Могилевской и Смоленской губерніяхъ. Въ Курляндіи и Лифляндіи хутора существовали изстари и здѣсь, какъ извѣстно, крестьянское хозяйство находится на высокой степени развитія. Въ Эстляндіи хутора возникли въ послѣдней половинѣ прошлаго вѣка.

Такимъ образомъ, нѣмцы, латыши и чухны служили проводниками хуторского разселенія у насъ, въ Россіи. Будучи отъ природы работоспособными, они прилагали всѣ силы и затрачивали массу энергіи на организацію новаго хозяйства. Немудрено, что ихъ труды увѣнчивались успѣхомъ и хутора являлись вначалѣ предметомъ зависти русскихъ крестьянъ, а затѣмъ вызвали среди нихъ подражаніе...

Хуторское разселеніе, хотя и туго, но все-таки развивалось среди русскаго крестьянства. Къ 1904-му году, по оффиціальнымъ подсчетамъ, оказалось свыше 800 большихъ и малыхъ селеній, которыя разверстались на хуторскіе участки. Тогда хуторское разселеніе распространялось на 64 волости въ слѣдующихъ губерніяхъ: въ Волынской, Гродненской, Ковенской, Витебской, Могилевской и Смоленской. Въ настоящее

*) Отрубнымъ участкомъ называютъ земельный надѣлъ, отведенный крестьянамъ въ одномъ кускѣ, а не черезполосно.

время число разселившихся деревень уже перевалило за 1000 и хуторское разселеніе охватило еще двѣ новыхъ губерніи: С.-Петербургскую и Псковскую.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что дѣло хуторского разселенія безостановочно развивается, число хуторовъ все болѣе и болѣе возрастаетъ, причемъ случаи возврата отъ хуторского хозяйства къ общинному рѣшительно нигдѣ не наблюдаются. Все это говоритъ въ пользу хутора. Но, можетъ быть, выгоды его предъ селомъ только временныя, можетъ быть, хуторское хозяйство возможно, какъ частность, и общее значеніе имѣть не можетъ?

Разберемъ выгоды и преимущества хуторского хозяйства предъ общиннымъ и тогда увидимъ, въ какой степени невыгодны эти вопросы для хуторского разселенія.

* * *

Прежде всего хуторское хозяйство по самому своему смыслу исключаетъ черезполосное владѣніе, это крупнѣйшее зло нашей деревни. Разбросанность полосокъ земли влечетъ за собою непроизводительную потерю и времени, и труда земледѣльца. Это зло при владѣніи отрубнымъ земельнымъ участкомъ уничтожается. Затѣмъ каждый хуторянинъ является независимымъ владѣльцемъ и распорядителемъ своей земли. При общинномъ владѣніи онъ связанъ «голосомъ міра». Община подавляетъ индивидуальность крестьянина—хуторъ создаетъ ее.

Вотъ наиболѣе характерныя преимущества хутора предъ селеніемъ. Разберемъ подробно тѣ скептическія замѣчанія, которыя часто встрѣчаются въ печати и обществѣ по отношенію къ хуторскому хозяйству.

Противники хутора прежде всего указываютъ на то, что хуторское разселеніе выгодно только для многоземельныхъ крестьянъ, малоземельныхъ-же оно, молъ, способно только разорить. Въ доказательство своего положенія скептики приводятъ слѣдующія соображенія. Для малоземельныхъ крайне тяжело переселеніе на новое мѣсто. Если, напримѣръ, для крестьянина, владѣльца 20 десятинъ, переноска построекъ на новое мѣсто обойдется въ 180 рублей, или по 9 р. на каждую десятину, то при трехъ десятинахъ та-же работа станетъ, по среднему расчету, не дешевле 75—80 рублей, то есть, при раскладкѣ на каждую десятину ляжетъ затрата свыше 25 рублей. Такимъ образомъ, выгодное для болѣе или менѣе крупнаго землевладѣльца переселеніе на новое мѣсто, для бѣдняка окажется прямо-таки недоступнымъ. Затѣмъ малоземельный крестьянинъ, живя въ деревнѣ или большомъ селѣ, можетъ легче найти посторонній заработокъ, чѣмъ когда онъ живетъ на уединенномъ хуторѣ. Наконецъ, у бѣднаго землей крестьянина, когда онъ живетъ въ селѣ, можетъ находиться больше скота, чѣмъ позволяютъ ему размѣры хуторского участка. Пока скотъ пасется въ общемъ стадѣ, всякій общинникъ можетъ пользоваться пастбищемъ безъ учета, что-же касается зимняго корма скота, то онъ можетъ быть полученъ отчасти съ арендныхъ земель, отчасти путемъ покупки на деньги, заработанныя постороннимъ промысломъ. Хуторянинъ-же можетъ дер-

жать только количество скота, пропорціональное его земельной площади. Объ арендѣ или о побочномъ заработкѣ ему въ первые годы по выходѣ изъ общины и думать нечего.

Однако, на замѣчанія скептиковъ возразить не такъ трудно, какъ кажется. Дѣйствительно, благодаря тому, что продажныя цѣны на надѣльныя земли значительно поднимаются въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне приступаютъ къ ихъ разверсткѣ, большинство малоземельныхъ хозяевъ можетъ продать свой надѣлъ и, пользуясь новой льготой крестьянскаго банка, пріобрѣсти себѣ новый участокъ съ большимъ противъ надѣльнаго количествомъ земли. Что-же касается количества скота, яко-бы согласованнаго съ величиной земельнаго участка, то хуторянинъ имѣетъ полную возможность чрезвычайно повысить количество кормовъ введеніемъ на своей землѣ сѣвооборотовъ травосѣяніемъ. Посторонній-же заработокъ можетъ быть достигнутъ тѣмъ или инымъ кустарнымъ ремесломъ или производствомъ, разумѣется, исключительно въ зимнее время. Лѣтомъ и крестьяне-общинники малосемейные рѣдко могутъ безъ ущерба для хозяйства заниматься побочнымъ заработкомъ.

Скептики указываютъ, что на хуторахъ крестьяне дичаютъ, что ихъ дѣти не посѣщаютъ школы и что разрозненность крестьянъ-хуторянъ—плохой залогъ для культуры. Это положеніе безусловно невѣрно. Правда, въ первые годы по переселеніи крестьянину некогда думать ни о церкви, ни о школѣ, ни объ общественныхъ дѣлахъ. Но, во-первыхъ, тотъ-же индифферентизмъ наблюдается и у сельскихъ крестьянъ къ религіи и грамотѣ, а, во-вторыхъ, участіе въ общественныхъ дѣлахъ крестьянина-общинника далеко не такъ велико и значительно, чтобы о немъ стоило много разговаривать. Само-же замѣчаніе объ одичаніи хуторянина наивно. Самостоятельное хозяйство и независимость скорѣе способны пробудить энергію и любознательность, чѣмъ инертное пребываніе въ косной общинѣ, тупое подчиненіе «мірской» массѣ.

Невѣрны и замѣчанія, что общее черезполосное хозяйство способно «подгонять» и «подтягивать» нерадивыхъ и лѣнивыхъ крестьянъ. Говорятъ, что срочность начала полевыхъ работъ и уборки урожаевъ волей-неволей преодолѣваетъ лѣнь крестьянина. Однако, если и есть лѣнтяи въ деревнѣ, то ихъ процентъ весьма незначителенъ, да и на хуторъ ихъ врядъ-ли потянетъ, такъ что о нихъ толковать много не приходится.

Затѣмъ противники хуторовъ указываютъ на слѣдующія яко-бы преимущества общины. Говорятъ, что опасность, грозящая посѣвамъ отъ градобитія, при черезполосицѣ меньше, чѣмъ на хуторѣ, такъ какъ, молъ, рѣдкая градовая туча захватываетъ весь надѣлъ какого-либо селенія, такъ что если градъ и пройдетъ надъ частью поля, то пострадаетъ только часть посѣвовъ крестьянина-общинника, у хуторянина-же весь посѣвъ погибнетъ. Общинное владѣніе выгодно, молъ, и въ смыслѣ пастьбы скота, такъ какъ содержаніе пастьбы всей деревней обходится крайне дешево для каждаго отдѣльнаго хозяина.

Подобная защита общиннаго хозяйства врядъ-ли нуждается въ строгой критикѣ. Градобитія, вообще говоря,—явленія не столь частыя въ деревнѣ, да и расчетъ, основанный на частичномъ выпаденіи града, является болѣе чѣмъ искусствен-

нымъ. Что-же касается указанія на удобство содержанія скота на общихъ выгонахъ, то кажущаяся дешевизна общаго пастуха зачастую влечетъ за собою непредвидѣнныя траты на уплату штрафовъ за прорвавшуюся на чужую землю скотину. Это—одно, а затѣмъ—что является еще болѣе важнымъ—сама пастьба значительнаго количества скота на одномъ выгонѣ влечетъ за собою значительную потерю травы вслѣдствіе стаптыванія ея скотиной и порчу полей и покосовъ копытами. За границей, да и у насъ, въ Россіи, во многихъ хозяйствахъ пастьба скота на выгонахъ замѣнена кормленіемъ скота «на привязи», что является наиболѣе выгоднымъ и цѣлесообразнымъ. Какъ зимою кормъ приносится скоту, такъ лѣтомъ скотъ приводится къ корму. Стойло хлѣва замѣняется болѣе или менѣе длинной веревкой, которой скотина привязывается къ извѣстному участку травяного поля. Постепенной перестановкой скотины по полю достигается то, что взамѣнъ съѣденной травы подрастетъ новая и, когда скотина, пройдя на привязи черезъ все поле, дойдетъ до его конца, на противоположной его части окажется свѣже выросшая трава.

Такимъ образомъ, всѣ соображенія, высказываемыя въ защиту общины, легко могутъ быть опровергнуты и преимущества окажутся на сторонѣ хуторского хозяйства.

Кромѣ перечисленныхъ замѣчаній противъ хутора, есть еще два тоже весьма мало обоснованныя. Говорятъ, что при хуторскомъ хозяйствѣ слишкомъ много земли уйдетъ подъ дороги и что, наконецъ, хуторское разселеніе безполезно, такъ какъ весьма скоро оно опять должно будетъ повести къ черезполосицѣ. Раздѣлъ земли между наслѣдниками-хуторянами неизбѣжно, молъ, долженъ вызвать дробленіе участка на полосы. Пугаютъ также и тѣмъ, что хуторское разселеніе «сгонитъ съ земли» деревенскую бѣдноту, что богатые скупятъ у бѣдныхъ участки.

Замѣчаніе о пропажѣ земель подъ дорогами вполнѣ голословно. По подсчетамъ оказывается, что нынѣ при черезполосномъ распредѣленіи земли, подъ межниками зря пропадаетъ около семи процентовъ всей надѣльной земли. При хуторскомъ-же разселеніи на двухсаженныя дороги, при средней величинѣ хуторовъ въ 8 десятинъ, потребуется не болѣе двухъ дес. на 100, т. е., подъ дорогами будутъ теряться только два процента крестьянскихъ земель. Выигрышъ въ пять процентовъ говоритъ противъ замѣчанія, что дороги отымутъ землю.

Что-же касается послѣдняго замѣчанія о дробленіи участковъ и о переходѣ ихъ къ богачамъ, то практика разселенія доказываетъ, что бояться ни того, ни другого нѣтъ основанія. Хорошо закругленный хуторской участокъ рѣдко подвергается раздѣлу, а если и дробится, то всегда на отрубные участки, но не черезполосицу, невыгодность которой очевидна для хуторянъ-хозяевъ. Хуторянамъ нѣтъ надобности раздѣлять свою землю, потому что они всегда имѣютъ возможность, скопивъ небольшую сумму денегъ, выдѣлить своихъ сыновей на прикупленную землю гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, что при льготныхъ условіяхъ крестьянскаго банка представляется болѣе чѣмъ доступнымъ. Кромѣ того, вѣдь, не всѣ-же члены крестьянской семьи склонны къ земледѣлію; очевидно, всегда найдутся та-

кія лица, которыхъ потянетъ изъ деревни въ городъ на отхожіе промыслы.

* * *

Разсмотрѣвъ главнѣйшія возраженія противъ хуторского хозяйства, мы видимъ, что они весьма слабо обоснованы. Перевѣсъ несомнѣнно, на сторонѣ хутора. Это говоритъ логика, это же подтверждается и практикой хуторского разселенія. Статистическія данныя указываютъ на чрезвычайно высокую доходность хуторского хозяйства сравнительно съ общиннымъ.

Противъ разселенія можетъ еще быть такого рода возраженіе—хутора разъединятъ крестьянство, обособленные хозяева-хуторяне порвутъ всякую связь съ «міромъ» въ лучшемъ значеніи этого слова. На это можно сказать, что, наоборотъ, путемъ хуторского разселенія создастся культурная крестьянская масса. Хуторяне не могутъ жить Робинзонами—они естественно будутъ входить другъ съ другомъ въ общеніе, помогать другъ другу и общими усиліями поднимутъ мѣстное благоустройство. Хутора прежде всего будутъ связаны общностью интересовъ (пути сообщенія, почта, осушка болотъ, выписка сѣмянъ и орудій и т. п.). Намъ кажется, что въ культурномъ значеніи разселенія нѣтъ основанія сомнѣваться. Оно очевидно. Болѣе того, хутора неизбѣжно съ теченіемъ времени будутъ объединяться въ кооперативныя хозяйства, какъ это и наблюдается за границей. Кооперативное начало въ крестьянскомъ хозяйствѣ тѣмъ болѣе возможно, что предполагаемая правительствомъ льготная ликвидація земельнаго фонда, какъ никакъ, а наложитъ на населеніе извѣстнаго рода денежныя обязательства. Выполненіе этихъ обязательствъ побудитъ крестьянство стремиться къ наиболѣе интенсивному хозяйству, что, въ свою очередь, повлечетъ за собою возникновеніе различнаго рода кустарныхъ производствъ, для успѣшнаго веденія которыхъ неизбѣжно явится необходимость въ организаціи крестьянскихъ сообществъ.

Такимъ образомъ, идея хуторского разселенія—здоровая и разумная идея. Проведеніе ея въ жизнь должно выгодно отозваться на крестьянскомъ благосостояніи. Это—жизнеспособная идея; опытъ показалъ, что хуторское хозяйство—вѣрный путь къ культурѣ.

Будемъ надѣяться, что хуторское хозяйство въ ближайшемъ будущемъ получитъ самое широкое распространеніе. Въ немъ, безспорно, — разрѣшеніе аграрнаго вопроса, въ немъ — залогъ оздоровленія и возрожденія русской деревни. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если правительство добросовѣстно и разумно будетъ осуществлять идею хуторского разселенія—крестьянство пойдетъ къ нему навстрѣчу и назрѣвшій и обостренный аграрный вопросъ получитъ мирное и правильное разрѣшеніе. Путь къ этому разрѣшенію найденъ, посмотримъ, каково будетъ его выполненіе.

Политика и культура.

Статья **Arboreus'a.**

«Англичанинъ-хитрецъ, чтобъ работѣ помочь,
Изобрѣлъ за машиной машину,
А нашъ русскій мужикъ, коль работать не въ мочь,
Такъ затянетъ родную дубину»...

«Дубинушка».

Мальчикомъ-подросткомъ, впервые плывя на пароходѣ по Волгѣ въ Нижній (тамъ тогда только что открылась всероссійская выставка), я услышалъ пѣснь труда—знаменитую «дубинушку»... Іюньская ночь, широкій просторъ «многоводной рѣки» оставили въ моей памяти неизгладимыя впечатлѣнія...

Перекатовъ нѣтъ (начало іюня—самый лучшій плесъ), пароходъ даже и безъ содѣйствія пара быстро бѣжитъ къ Нижнему (внизъ по Волгѣ). Ночь, не спится. Я на верхней палубѣ. Ни свѣтло, ни темно вдоль береговъ великой родной рѣки. Хорошо... Поэтически кой-гдѣ по берегамъ мелькаютъ огоньки костровъ, кое-гдѣ мерцаютъ разноцвѣтные фонарики на мѣстахъ барокъ.

«Вотъ она—великая рѣка!»—думалъ я, полной грудью вдыхая свѣжій ароматъ Волги. Было и легко, и сладко, и радостно... Но, зараженный кое-какими «великими идеями», я старался привести себя изъ «восторженнаго» состоянія «въ сознательное». Еще въ дѣтствѣ я любилъ Некрасова и вполнѣ понятно, что, плывя по Волгѣ, я вспомнилъ его слова:

«Выдь на Волгу—чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой?
Этотъ стонъ у насъ пѣснью зовется,
То бурлаки идутъ бичевой».

Понятно, что я тщетно напрягалъ свое зрѣніе. Бурлаковъ въ іюнѣ 1896 года между Рыбинскомъ и Костромою я не увидѣлъ. Не услышалъ я и знаменитаго «стона» во все свое не долгое, но, какъ казалось тогда, «серьезное» путешествіе. Въ Кинешмѣ «зимогоры» грузили рохли, подбадривая другъ друга далеко не поэтической руганью.

У какой-то пристани грузили дрова и пѣли «дубинушку». Я разочаровался; не только «стона», но и выдержаннаго мотива не было...

Но я все-таки на Волгѣ слышалъ «дубинушку» и я гордился этимъ обстоятельствомъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, впервые облекшись въ студенческую одежду, я слышалъ эту-же пѣснь труда—«дубинушку» въ «курилкахъ» Дворянскаго собранія на студенческомъ вечерѣ. Ее пѣли мои «коллеги» (тогда еще слово «товарищъ» не было въ модѣ), такъ-же нескладно, какъ и волжскіе «зимогоры», но на другой мотивъ и съ другимъ чувствомъ, и съ другими куплетами... Разумѣется, я ловилъ каждый звукъ пѣсни, каждое слово куплета—не мудрено, что я запомнилъ эти куплеты, не мудрено, что, когда сталъ писать на намѣченную въ заголовкѣ тему, они мнѣ припомнились... Велика и значительна для всякаго русскаго человѣка «національная» пѣснь труда—«дубинушка»...

Но довольно идилліи. Богъ съ ней! Пусть ею пользуются поэты. Мы-же, скромные работники пера, обязаны говорить прозой. Ароматъ молодости вдыхать позволительно всякому. Дѣлиться впечатлѣніями ея можно съ друзьями, но, хотя я къ вамъ искренне расположенъ, читатель, вѣдь, ни вамъ, ни мнѣ нѣтъ дѣла до нашихъ субъективныхъ чувствованій. Не правда-ли?

Но воспоминаніе о «дубинушкѣ» заставило меня привести одинъ изъ ея куплетовъ эпиграфомъ настоящаго очерка. Давайте бесѣдовать по поводу этого куплета.

Знаете, что въ немъ является наиболѣе характернымъ? Ну, не будьте наивными—вотъ именно эти слова: «А нашъ русскій мужикъ, коль работать не въ мочь, такъ затянетъ родную дубину».

Не знаю, какъ давно сложилась пѣснь о «дубинушкѣ», кто былъ ея авторомъ—народъ или поэтъ изъ народа, но въ ней много чисто-русскаго горькаго юмора. Въ ней правда, та правда, которую русскій народъ призналъ за пѣсней, говоря: «сказка—складка, а пѣсня—быль».

Да, въ этомъ куплетѣ много, слишкомъ много самобичующей, горькой правды...

«Англичанинъ-хитрецъ, — изволите видѣть, говоритъ пѣсня,—чтобъ работѣ помочь, изобрѣлъ за машиной машину». Машина работаетъ исправно, а онъ, вчерашній нищій, около этой самой машины покуриваетъ сигару да слѣдитъ за исправностью и точностью машинной работы. Ни что ему!

Есть время не только грамотѣ обучиться (нѣмцы на это— ухъ, горазды), а и почитать кое-что, да и подумать о прочитанномъ...

«А нашъ русскій мужикъ, коль работать не въ мочь, такъ затянетъ родную дубину». Гм... скверно! Не все-же пѣть, надо о дѣлѣ подумать!.. «Этотъ стонъ у насъ пѣснью зовется, то бурлаки идутъ бичевой»,—было сказано тогда, когда вездѣ на Западѣ работали буксирные пароходы. Поэтично, но убыточно во всѣхъ отношеніяхъ...

Чего-бы, казалось, «предпринимателю» замѣнить «лямку» паровой тягой? Тогда-бы, правда, Некрасову не удалось написать столь «захватывающее душу» стихотвореніе, но, вѣдь, и предприниматель получилъ-бы большій барышъ, да и народъ не маялся-бы. Однако, «лямка» жила еще долго послѣ Некрасова (умеръ въ 1877-мъ году), да и предприниматель-хозяинъ не умиралъ съ голода.

«Петровское окно въ Европу» было завѣшано «грязной» тряпкой—очевидно, поэтому чрезъ него богобоязненное купечество и не рѣшилось протащить въ «мать - Рассею» лишній буксиръ. Мало этого. Тотъ-же великій «печальникъ народнаго страданія, поэтъ и гражданинъ» относился къ своимъ «младшимъ братьямъ» съ величайшимъ скептицизмомъ. Онъ не вѣрилъ не только въ изобрѣтеніе русскими людями буксира или примѣненіе его для передвиженія его барокъ, но... даже боялся, что народъ окончательно погибнетъ на нижней ступени развитія.

Поэтъ, говоря о мытарствѣ нашего «сѣятеля и хранителя», о «стонѣ нашего пахаря», высказалъ крайне пессимистическое предположеніе, что «иль судебъ повинуясь закону все, что могъ, онъ (то есть, пахарь), уже совершилъ, создалъ пѣсню подобную стону и навѣки духовно почилъ»...

«Хорошъ-же былъ современный Некрасову пахарь, да и вообще русскій—человѣкъ!—можете наивно воскликнуть вы, читатель,—хорошъ-же онъ, этотъ пахарь, былъ, коли печальникъ его усомнился въ его дальнѣйшей жизнеспособности!..»

Не наивничайте, читатель, «не судите строго» и присмотритесь къ современности... Каковъ нашъ пахарь, каковъ рабочій? Что? Вы ихъ не знаете—обратитесь къ новѣйшей литературѣ... Не признаете «школы Горькаго»? Газеты-то навѣрно читаете... Ну-съ, далеко ушелъ нашъ пахарь отъ некрасовскаго? То-то и есть. Ужъ лучше не спорьте! На

Западѣ культура развивается мѣсяцами, а у насъ—столѣтіями...

«Англичанинъ-хитрецъ» машины изобрѣтаетъ, чѣмъ и кормится его родина, а у насъ эти машины рѣдко-рѣдко гдѣ примѣняются. «Хитрецъ»-то дошелъ до сознанія (и еще когда), что земледѣліе—не оплотъ государства, да отъ культурнѣйшаго земледѣлія перешелъ къ заводской промышленности (не забывая, впрочемъ, и перваго), а мы «топчемся» на своемъ трехпольѣ да плачемъ: «Земли мало, земля не родитъ».

* * *

Но почему-же, почему тамъ, гдѣ-то на Западѣ, народъ и грамотенъ, и сытъ, и живетъ сравнительно безбѣдно? Наивный вопросъ! Тамъ культура, а у насъ ея нѣтъ...

«Но тамъ, вѣдь, свобода, — возразятъ мнѣ,—у насъ-же только недавно народъ понялъ, что такое политика! Тамъ свобода, а у насъ военное положеніе»...

О, какое жалкое, унизительное возраженіе!.. Что-же, политика на Западѣ развивалась безпрепятственно? Или тамъ не было ни «рабовъ», ни произвола? Вѣдь, вы знакомы съ исторіей, читали ее. Вѣдь, тамъ-то было настоящее рабство, порабощеніе личности и тамъ теперь „свобода", о которой вамъ разсказываютъ съ большими преувеличеніями...

Тамъ былъ гнетъ, тамъ царило рабство, но... но тамъ зародилась культура и, какъ ея ни давили, она восторжествовала.. Она господствуетъ, сводя почти „на-нѣтъ" человѣческій трудъ, она требуетъ отъ человѣка напряженія высшихъ силъ его природы—разума, для его развитія.

И это развитіе идетъ впередъ быстрыми шагами. Человѣку недостаточны комфортъ, сытость, удобства—ему свойственна особая жажда, особый голодъ, отличающіе его отъ другихъ животныхъ—голодъ души, жажда знанія. И онъ—человѣкъ—такъ или иначе достигаетъ удовлетворенія этого голода, этой жажды.

Таковъ западно-европейскій человѣкъ, таковъ американскій, таковъ и нашъ русскій, но... но нашего сородича отъ первыхъ отдѣляетъ глубокая пропасть нашей вѣковой косности,—естественной или случайной—сказать трудно...

Долгіе вѣка у насъ царилъ „сонъ непробудный", а старушка Европа не спала, „охала, маялась" и достигла того, чему мы, пробудившись отъ долгаго сна, завидуемъ.

Наше родное такъ сѣро, хмуро, неприглядно, а тамъ,

у „чужихъ“, все такъ „ярко“, изящно, удобно. Намъ-бы такъ пожить...

Да, такъ пожить! Но отъ одной мечты ничего не подѣлать и, стремясь къ благополучію сосѣдей, стараясь перенять у нихъ все новое и даже мечтая опередить ихъ въ „извѣстныхъ“ областяхъ государственнаго устройства, мы меньше всего стараемся вникнуть въ исторію возникновенія благополучія у сосѣдей. А эта исторія крайне поучительна и безъ знанія ея намъ не удастся удовлетворить свои стремленія. Исторія нашихъ „сосѣдей“ потому должна быть изучена, что она является... исторіей міровой культуры.

Безъ культуры жизнь не мыслима, такъ какъ культура— вѣрнѣйшее и единственное средство для защиты жизни. Культура создавалась политикой и политика подчинялась культурѣ. Это все—азбучныя истины, повторить которыя, впрочемъ, не лишнее намъ, русскимъ, а особенно въ переживаемый нами тяжелый моментъ обновленія родины. Повторить ихъ, запомнить и руководствоваться этими истинами необходимо всѣмъ тѣмъ, кто дѣйствительно „болѣетъ за меньшого брата“, кто ищетъ средства для оказанія помощи страдающимъ братьямъ... Помня эти истины, понявъ ихъ, не трудно придти къ такому заключенію, что „обогнать“ сосѣдей, подарившихъ насъ черезъ „петровское окно“ завидной панорамой европейскаго благополучія, намъ пока не по-плечу, да и не къ лицу, такъ какъ... отъ своего стараго мы удержали лишь „плетку“ да невѣжество, а „новое“ мало говоритъ въ пользу изобрѣтательности нашего народа.

Мы долго спали. Пробужденіе оказалось крайне тяжелымъ. Спать больше нельзя ни минутки. Пора вставать на работу. Пора будить и „младшихъ братьевъ“. Спятъ они; какъ-бы не умерли во снѣ отъ истощенія... Большая работа не „по плечу голоднымъ“; вести ихъ на нее, значитъ, напрасно надорвать послѣднія силы...

Есть великая работа, требующая любви къ себѣ и духовнаго напряженія; эта работа называется просвѣщеніемъ и нашему народу только послѣ того, какъ онъ пройдетъ черезъ нее, доступны будутъ и другія работы.

Сперва за культуру, а когда силы окрѣпнутъ и накопятся, тогда народъ самъ примется за политику. Звать-же его на эту работу теперь и безполезно, и безсовѣстно. Все равно безъ культуры онъ напрасно надорветъ свои послѣднія силы и сраженный падетъ поперекъ пути къ прогрессу.

Откуда взять народныхъ богатырей мысли?

Статья В. Андреева.

I.

Въ какомъ положеніи, по даннымъ послѣдней всероссійской переписи, находится у насъ народное образованіе?

Покойный профессоръ Д. И. Менделѣевъ, одинъи зъ немногихъ нашихъ дѣйствительныхъ богатырей русской мысли, русской по духу и существу, предъ самой своей смертью подарилъ своей родинѣ небольшую и недорогую по цѣнѣ книгу, которая должна сдѣлаться настольной книгою каждаго русскаго публициста, каждаго общественнаго дѣятеля.

Я говорю о его книгѣ «Къ познанію Россіи».

Матеріаломъ для этой книги послужила общая русская перепись 1897 года, или, вѣрнѣе, отчетъ о ней, законченный печатаніемъ лишь въ 1905 году. Это—громадный многотомный трудъ, въ которомъ разобраться далеко не всякому по силамъ, но своею книгой покойный ученый ознакомилъ съ нимъ массу, интересующуюся своей родиной, и самой публицистикѣ далъ не мало пищи по различнымъ вопросамъ, тѣсно связаннымъ съ злополучіемъ нашего отечества.

Книга Д. Менделѣева важна не только какъ сводъ цифръ, добытыхъ на основаніи переписи, но и по тѣмъ мыслямъ, которыя покойный по поводу ихъ высказалъ. Это — мысли не только авторитетнаго ученаго, но и истиннаго патріота, любящаго свой народъ, ставящаго его нужды на первое мѣсто и желающаго устраненія его невзгодъ разумнымъ путемъ безъ ломки жизни, безъ лишнихъ жертвъ со стороны народа.

Таблицы Менделѣева о числѣ обучающихся въ Россіи, о числѣ лицъ съ низшей степенью образованія и высшей, даютъ картину далеко неутѣшительную и наводятъ на грустныя размышленія о томъ, что наша центральная Европейская Россія находится въ худшемъ положеніи, чѣмъ ея окраины (за исключеніемъ Кавказскаго и Закавказскаго краевъ) *).

---

*) Менделѣевъ раздѣляетъ всю Россію (97 губерній) на 19 частей: онѣ названы «краями», если примыкаютъ, хотя отчасти, къ границамъ Имперіи, и «землями», если со всѣхъ сторонъ окружаются ея другими подраздѣленіями. Ихъ названія слѣдующія: 1) Петербургскій край (губ. Новгородская, С.-Петербургская, Псковская), 2) Ливонскій край, 3) Польскій край, 4) Малороссійскій край (губ. юго-западныя и Полтавская, Черниговская и Харьковская), 5) Литовско-Бѣлорусскій край, 6) Подмосковная земля, 7) Средне-Русская земля (губ. Рязанская, Орловская, Тамбовская, Пензенская, Воронежская, Курская), 8) Верхне-Волжская земля, 9) Пермская земля, 10) Нижне-Волжская земля, 11) Южно-русскій край (губ. Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Войска Донского область, Екатеринославская губ.), 12) Кавказскій край, 13) За-

Я позволю себѣ заимствовать у Менделѣева изъ его второй таблицы три графы именно о числѣ обучавшихся по всѣмъ 19 частямъ Россіи.

Въ 1897 году на населеніе Россіи въ 128.200.000 было

тысячъ обучавшихся:

	Грамотѣ и въ низшихъ школахъ (мужч. и женщ.)	Въ среднихъ и высшихъ учебн. заведен. мужч.	женщ.
1) Петербургскій край	1.459	102,9	80,3
2) Ливонскій край	1.767	33,8	16,6
3) Польскій край	2.736	87,7	44,0
4) Малороссійскій край	2.773	102,4	60,7
5) Литовско-Бѣлорусскій край	2.536	52,3	25,3
6) Подмосковная земля	2.423	106,7	68,6
7) Средне-Русская земля	2.065	70,6	47,6
8) Верхне-Волжская земля	1.395	38,7	24,0
9) Пермская земля	1.685	29,2	28,9
10) Нижне-Волжская земля	1.521	31,5	20,0
11) Южно-Русскій край	2.297	82,0	58,6
12) Кавказскій край	608	18,7	11,8
13) Закавказскій край	468	35,0	14,7
14) Закаспійскій край	146	5,2	2,5
15) Южно-Сиб. или Киргизск. кр.	242	6,2	4,6
16) Восточно-Сибирскій край	247	14,1	8,9
17) Западно-Сибирскій край	415	14,7	9,6
18) Сѣверно-Русскій край	399	8,5	8,3
19) Финскій край	680?	44?	22?
	(Вопросительный знакъ Д. Менделѣева)		
Вся Россія	25.862	884,2	557,5

Не стану останавливаться на излишнихъ комментаріяхъ этой таблицы: она безусловно подтверждаетъ высказанное раньше, а въ общемъ говоритъ намъ, что на 128 милльоновъ населенія въ Россіи обучавшихся грамотѣ и въ низшихъ школахъ было 25.862.000 человѣкъ, кромѣ 1.441.700 (884.200 мужч. × 557.500 женщ.) человѣкъ со среднимъ и высшимъ образованіемъ. Такимъ образомъ, вы видимъ, что число лицъ съ низшимъ школьнымъ образованіемъ составляетъ всего лишь 20% всего населенія, или, другими словами, четыре пятыхъ населенія пребываетъ въ неграмотномъ состояніи.

Мы видимъ, между прочимъ, нѣкоторую особенность въ приведенныхъ цифрахъ: въ графѣ низшаго образованія нѣтъ подраздѣленія на мужчинъ и женщинъ, а въ графѣ высшаго— есть, но при этомъ собственно лица высшаго образованія смѣшаны съ лицами средняго. Покойный ученый даетъ такое объясненіе второму факту, не касаясь перваго:

«Если-бы эту таблицу,—говоритъ онъ,—пришлось составлять лѣтъ 15 тому назадъ, то я-бы непремѣнно отличилъ лицъ, полу-

---

кавказскій край, 14) Закаспійскій край, 15) Южно-Сибирскій или Киргизскій край, 16) Восточно-Сибирскій край, 17) Западно-Сибирскій край, 18) Сѣверно-Русскій край (губ. Архангельская, Вологодская, Олонецкая), 19) Финскій край.

чившихъ среднее образованіе отъ лицъ, получившихъ высшее, т. е., спеціализированное образованіе, основанное въ большей или меньшей мѣрѣ на философскихъ началахъ. Но въ послѣднее время не потому, что поднялся уровень средняго образованія, а потому, что упалъ уровень высшаго образованія, я не считаю полезнымъ отдѣлять два указанныхъ разряда лицъ, получившихъ права на званіе интеллигентовъ. Думаю даже, да и знаю на опытѣ, что не малое число лицъ, не учившихся въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ рядахъ интеллигенціи Россіи въ настоящее время занимаютъ такое-же мѣсто, какое принадлежитъ выступающей образованности. Уже одно то, что стачки и забастовки послѣдняго времени повели свое начало во многихъ мѣстностяхъ Россіи именно отъ высшихъ учебныхъ заведеній, говоритъ для меня совершенно ясно, что образованіе, вообще говоря, въ Россіи въ послѣдніе годы сильно упало, что доказывается еще лучше тѣмъ малымъ научнымъ содержаніемъ, которое находится въ литературныхъ, техническихъ и всякихъ иныхъ прогрессивныхъ произведеніяхъ лицъ послѣдняго времени въ Россіи. Конечно, не только живетъ еще остатокъ отъ прежняго времени расцвѣта русскаго образованія, но есть и между новыми учащими и учащимися нѣкоторый процентъ такихъ, которые понимаютъ, что дѣло политики ни подъ какимъ видомъ нельзя смѣшивать съ дѣломъ обученія. Они, однако, напрасно старались протестовать; большинство недоучекъ этого протеста не поняло и назвало ихъ «черною сотнею», очевидно, благодаря тому, что внушено всѣмъ образованіемъ, ведущимся со временъ покойнаго графа Д. А. Толстого, т. е., съ 70-хъ годовъ, на такъ называемый «классическій» манеръ, по существу подражательный, діалектическій, даже синтаксически-логическій и справляющійся съ субъективно-людской, а не божеской или объективной правдой, которую будтобы можно постигать лишь при помощи однихъ умственныхъ построеній».

Однако, это—еще не послѣдній «комплиментъ» Менделѣева по адресу учившихся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; ниже онъ, указывая на то, что общая сумма ихъ достигаетъ 1,44 милл., т. е., превосходитъ 1,1% числа всѣхъ жителей, говоритъ:

«Это отношеніе можно было-бы считать не то что достаточнымъ, но удовлетворительнымъ, если-бы наши среднія и высшія учебныя заведенія были въ иномъ состояніи, чѣмъ то, въ которомъ они теперь находятся, такъ какъ, вѣроятно, всѣмъ внимательнымъ лицамъ хорошо извѣстно, что многіе изъ окончившихъ у насъ среднія учебныя заведенія въ послѣднее время лишены даже настоящей грамотности, т. е., не умѣютъ писать, какъ слѣдуетъ. А высшія учебныя заведенія подготовляютъ такихъ практическихъ дѣятелей, особенно нужныхъ въ настоящее время Россіи, которые зачастую не любятъ своего дѣла, плохо понимаютъ русскія потребности и не умѣютъ хоть сколько-нибудь къ нимъ приноровляться».

Чтобы выдти изъ этого положенія, Менделѣевъ видитъ настоятельную необходимость въ открытіи особаго училища наставниковъ, которое должно готовить преимущественно учителей для среднихъ учебныхъ заведеній и подготовлять буду-

щихъ профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній, «а попутно и наставниковъ для сельскихъ школъ». Менделѣевымъ при этомъ былъ представленъ министру народнаго просвѣщенія проектъ названнаго училища. Этотъ проектъ, какъ сообщали газеты въ послѣднее время, будетъ внесенъ отъ министерства въ первую очередь въ будущую государственную думу.

Выше былъ сдѣланъ выводъ, что въ Россіи всего лишь 20% населенія грамотно и что такое положеніе населенія наводитъ на грустныя размышленія, результатомъ чего, конечно, является желаніе во что-бы то ни стало поднять народное образованіе, а это представляется возможнымъ лишь при всеобщемъ обязательномъ обученіи. За эту мысль, между прочимъ, крѣпко держится нынѣшнее министерство народнаго просвѣщенія г. Кауфмана, причемъ самый проектъ введенія всеобщаго обязательнаго обученія уже составленъ и въ частности кое-гдѣ его предполагается осуществить съ настоящаго учебнаго года.

Менделѣевъ въ своей книгѣ, говоря о числѣ обучающихся въ Россіи, возстаетъ противъ настоятельности этой мѣры и не потому, чтобы онъ признавалъ число грамотныхъ въ Россіи въ настоящее время достаточнымъ, нѣтъ, напротивъ, онъ хотѣлъ-бы, чтобы образованіе, хотя-бы первоначальное, «въ особенности приноровленное къ жизненнымъ потребностямъ, т. е., не только къ грамотѣ и счету, но и къ какимъ-нибудь практическимъ цѣлямъ, было широко распространено въ Россіи», но обязательное обученіе въ настоящее время онъ находитъ не своевременнымъ. Во-первыхъ, для этого нужны «большія народныя средства», а во-вторыхъ, у насъ нѣтъ хорошо подготовленныхъ учителей, «которые внушали-бы начинающимъ ученіе благія начала».

«Пока,—говоритъ онъ,—надежные начальные учители не подготовятся и средства не соберутся—затѣвать всеобщее обученіе, мнѣ кажется, совершенно нецѣлесообразно, хотя я очень хорошо понимаю и всей душой желаю, чтобы сѣмена истиннаго просвѣщенія, направленнаго на добро и пользу, распространились, по возможности, во всемъ народѣ, думаю даже, что при существующей неподготовленности и партійной сутолокѣ можно загноить не мало добрыхъ сѣмянъ, издавна и наслѣдственно плодившихся въ народѣ. Начинать, мнѣ кажется, слѣдуетъ не съ этого конца, а преимущественно съ того, при помощи котораго развивается народный достатокъ, такъ какъ только черезъ развитіе этого достатка, происшедшаго, несомнѣнно, въ послѣднія десятилѣтія (послѣ освобожденія крестьянъ, проведенія желѣзныхъ дорогъ и т. п.) и выразившагося явно въ милліардномъ вкладѣ сберегательныхъ кассъ, сама собою выступитъ народная потребность въ образованіи, потому что народъ уже давно понялъ (полагаю, что со временъ введенія христіанства) пользу распространенія истиннаго просвѣщенія».

Далѣе, нѣсколько ниже онъ продолжаетъ:

«Стремиться къ такъ называемому всеобще-обязательному образованію, т. е., къ обязательному обученію всѣхъ дѣтей, не могущихъ получить на свои средства начальное образованіе, должно всемѣрно, но пути къ этому одни: надо

сперва увеличивать условія накопленія достатка въ народѣ (чтобы—безъ особыхъ налоговъ—стремились учиться и могли это выполнить) и постепенно подготовлять хорошихъ учителей для элементарныхъ или народныхъ школъ». «Идя съ недолжнаго конца, непремѣнно достигнемъ того, что въ образованіи разочаруются, и народъ сочтетъ его ненужной обузой, препятствующей при сложившихся условіяхъ нормальному теченію постепенныхъ улучшеній, такъ какъ нельзя-же забыть, что намъ надобно разселиться какъ можно пошире, чтобы быть какъ можно поближе къ землѣ, а для нѣкоторыхъ тогда, при нашихъ-то зимахъ, никакой не будетъ возможности далеко посылать малыхъ дѣтей въ школу».

Несомнѣнно, конечно, что разсужденія покойнаго Д. И. о всеобщемъ обученіи или, вѣрнѣе, противъ его введенія въ данное время имѣютъ за собою основаніе, особенно если оно повлечетъ за собою увеличеніе налоговъ; но эта мѣра не рекомендуется, какъ повсемѣстная, одновременно, а она будетъ растянута на десять лѣтъ, будучи вводима постепенно.

Къ тому-же надо вѣрить и въ то, что наша государственная дума, какая-бы она ни была, не допуститъ изъ-за этого увеличенія налоговъ; даже и въ первой, и во второй думахъ была тенденція сократить расходы по другимъ министерствамъ, а увеличить за ихъ счетъ расходы по народному образованію, такъ что этого-то менѣе всего слѣдуетъ бояться.

Неподготовленность учителей несомнѣнна. Неподготовленный учитель можетъ принести больше вреда, чѣмъ пользы. Опасна, разумѣется, и нынѣшняя партійная сутолока. Но «волка бояться, въ лѣсъ не ходить», или, по нѣмецкой поговоркѣ, «когда хочешь лѣзть на дерево, то не бойся разорвать штановъ». Такъ и здѣсь. Надо выбирать изъ «неподготовленныхъ» учителей тѣхъ, которые идутъ въ учителя по призванію, которые, собираясь учить другихъ, готовы и сами учиться. Несомнѣнно, что при этомъ будутъ ошибки въ выборѣ, а ввиду этого необходимо, чтобы лица, отъ которыхъ будетъ зависѣть этотъ выборъ, были сами проникнуты искреннимъ желаніемъ народнаго образованія, любили народную школу и могли вполнѣ руководить подвѣдомственными имъ учителями. Скажутъ—теперь этихъ лицъ немного. Пусть такъ. Но пусть эти немногіе будутъ сначала въ томъ раіонѣ, въ которомъ впервые вводится всеобщее обязательное обученіе. Пусть эти лица въ каникулярное время устраиваютъ курсы для своихъ учителей, и въ три четыре года они при знаніи повысятъ уровень этихъ немногихъ, котоыре, въ свою очередь, дадутъ новыхъ своихъ учениковъ. Ничто не дѣлается сразу, но всякое дѣло необходимо начать. А это дѣло, чѣмъ скорѣе мы начнемъ, тѣмъ будетъ лучше.

У насъ, впрочемъ, въ системѣ народнаго образованія есть зло, которое порою бываетъ хуже всякой неподготовленности учительскаго персонала. Это зло—раздвоеніе народной школы или даже, если можно выразиться, «растроеніе». Школы сосредоточены въ трехъ вѣдомствахъ (не говоримъ о среднихъ и высшихъ, а только о народной, начальной). Народными школами вѣдаютъ: министерство, земство и духовное вѣдомство (церковно-приходскія школы). Но допу-

стимъ, земскія школы какъ-бы сливаются съ министерскими и находятся въ одномъ вѣдомствѣ, а церковно-приходскія — въ другомъ. Зачастую двѣ школы одного и другого вѣдомствъ существуютъ рядомъ въ одномъ и томъ-же селѣ и находятся въ постоянной враждѣ между собой, внося разладъ въ самое приходскую жизнь. И ни для кого не тайна, что если земскія школы плохи, то въ большинствѣ еще хуже ихъ церковно-приходскія. Если учителя земскихъ школъ часто не удовлетворяютъ своему назначенію, то въ церковно-приходскихъ они ничего общаго съ истиннымъ учительствомъ не имѣютъ. Вотъ это раздѣленіе школъ страшно,—страшно теперь, страшно и въ будущемъ, такъ какъ духовное вѣдомство и въ будущемъ желаетъ сохранить за собою церковно-приходскія школы.

II.

Церковно-учительскія школы. Кто въ нихъ будетъ руководителемъ?— Педагогическіе курсы министерства народнаго просвѣщенія. — Опытныя поля и ихъ цѣли.

Нѣтъ никакого сомнѣнья, что наше православное духовенство въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія въ первые вѣка существованія христіанства въ Россіи, да и впослѣдствіи, вплоть до XVII вѣка, сослужило не малую службу. Первыми разсадниками просвѣщенія были, конечно, наши монастыри, а затѣмъ кіевская духовная академія, но мало-по-малу духовенство утратило свое значеніе въ этомъ отношеніи. Не станемъ касаться историческихъ причинъ этой утраты, важенъ самый фактъ. Впослѣдствіи на окраинахъ Россіи дѣло народнаго просвѣщенія изъ непосредственныхъ рукъ духовенства перешло къ братствамъ, но и братства, существующія во многихъ мѣстахъ и до сего времени, не имѣютъ теперь того благотворнаго вліянія на населеніе, которое имѣли прежде. Братскія школы далеко не преуспѣваютъ, а, между тѣмъ, онѣ были обставлены много лучше, чѣмъ нынѣшнія церковно-приходскія, возродившіяся по волѣ покойнаго К. П. Побѣдоносцева.

Возродитель этихъ школъ исходилъ изъ того, конечно, принципа, что просвѣщеніе народа должно заключаться не только въ обогащеніи его знаніями, но и въ воспитаніи на основахъ православной религіи, а кому-же лучше всего и вѣдать тогда народное образованіе, какъ не духовному врачу этого народа, живущему въ его средѣ всѣми его горестями и радостями, раздѣляющему его труды и проч.? Но при этомъ оказалось, что у священника есть много своихъ прямыхъ обязанностей и съ еще новымъ дѣломъ ему не управиться. А, вѣдь, въ каждой церкви есть причтъ изъ псаломщика, пономаря, сторожа иногда и діакона. Общее наблюденіе за школой и «руководительство» было возложено на священника, а учительствованіе, за исключеніемъ преподаванія Закона Божьяго, разрѣшалось возложить на кого-либо изъ причта, а въ крайнемъ случаѣ подыскать учителя, сообразуясь со средствами прихода.

При такихъ условіяхъ возникли церковно-приходскія школы и школы грамотности. Впослѣдствіи на нихъ было отпущено шесть милльоновъ рублей. Въ школы грамотности

да и въ церковно-приходскія на мѣсто учителей приглашались полуграмотные люди, старики, отставные солдаты, такъ какъ люди, имѣвшіе кое-какое образованіе, изъ-за скудности вознагражденія (отъ 24 рублей въ годъ и выше, чему ниже приведу факты), не шли въ учителя этихъ школъ, за исключеніемъ лицъ, хотѣвшихъ уклониться отъ воинской повинности (учитель церковно-приходской школы отъ этой повинности освобождался). Были, конечно, и учительницы, дочери священниковъ и вообще лицъ духовнаго званія, кончившія или не кончившія епархіальнаго училища. Эти поступали учительницами лишь до замужества да ввиду того, что дома все равно нечего было дѣлать.

Теперь, когда министерство народнаго просвѣщенія озабочено введеніемъ всеобщаго обязательнаго обученія, когда въ обществѣ, въ городскихъ думахъ, земствѣ, государственной думѣ заговорили о необходимости передать все народное образованіе въ руки общественныхъ организацій, когда яснѣе, чѣмъ когда-нибудь, стало, что всѣ наши бѣды, свалившіяся на насъ въ послѣдніе годы, обязаны своимъ происхожденіемъ, помимо бюрократизма, еще и народному невѣжеству, когда всѣ сразу закричали, что у насъ вовсе нѣтъ надлежащаго учителя въ деревнѣ, встрепенулось и духовное вѣдомство. Оно рѣшило для своихъ церковно-приходскихъ школъ открыть церковно-учительскія школы для подготовки учителей и учительницъ.

Училищный совѣтъ при святѣйшемъ синодѣ, какъ о томъ сообщило газетамъ «Освѣдомительное бюро», собралъ особое совѣщаніе для разсмотрѣнія вопросовъ, «касающихся постановки учебно-воспитательнаго дѣла въ церковно-учительскихъ школахъ».

Кромѣ правилъ для совѣтовъ означенныхъ школъ, комиссіями совѣщанія были выработаны и совѣщаніемъ утверждены, для представленія въ св. синодъ, руководящія правила для завѣдывающихъ и учащихъ въ церковно-учительскихъ школахъ, а также правила объ учащихъ(ся) въ школахъ и о преподаваніи сельскаго хозяйства въ церковно-учительскихъ школахъ. Въ церковно-учительскія школы принимаются молодые люди и дѣвушки въ возрастѣ 15—17 лѣтъ; въ особо исключительныхъ случаяхъ, однако, съ надлежащаго разрѣшенія, въ школы могутъ быть приняты лица, превысившія установленный возрастъ до 2 лѣтъ. Учащіеся, кромѣ проживающихъ у родителей или близкихъ родственниковъ, помѣщаются въ школьномъ общежитіи. Лица, пользовавшіяся казенной стипендіей, обязаны прослужить на учительскомъ поприщѣ по вѣдомству православнаго исповѣданія не менѣе пяти лѣтъ. Преподаваніе сельскаго хозяйства ведется во всѣхъ церковно-учительскихъ школахъ, располагающихъ земельными участками (есть, значитъ, и такія, которыя не располагаютъ). При этомъ въ школахъ, имѣющихъ не менѣе пяти десятинъ, сельское хозяйство преподается во всемъ его объемѣ (?); въ школахъ-же, имѣющихъ меньшее количество земли, преподаются отдѣльныя отрасли (?) сельскаго хозяйства. Преподаваніе сельскаго хозяйства начинается со II класса, причемъ на теоретическіе уроки отводится 4 часа въ недѣлю, а на практическія занятія—до 6 часовъ; въ случаѣ надобности

потребное для преподаванія сельскаго хозяйства время можетъ быть изыскано путемъ сокращенія числа классныхъ уроковъ по тѣмъ общеобразовательнымъ предметамъ, которые проходились во второклассной школѣ (?).

Правду говоря, болѣе безграмотнаго сообщенія я въ газетахъ даже въ послѣднее время не читалъ (цитирую по «Нов. Вр.» № 11270). Но, оставивъ въ сторонѣ безграмотность, разберемся, что это сообщеніе собою знаменуетъ.

Существуетъ нѣчто въ вѣдѣніи православнаго вѣдомства, нѣчто, очевидно, въ родѣ учительскихъ семинарій. И вотъ въ этихъ школахъ-семинаріяхъ хотятъ обучать ихъ воспитанниковъ (какія знанія требуются для поступленія туда—неизвѣстно) сельскому хозяйству на пяти десятинахъ во всемъ его объемѣ. Что это значитъ «во всемъ его объемѣ»? полеводству, огородничеству, садоводству, скотоводству, птицеводству, пчеловодству, сельско-хозяйственному инженерному искусству и т. п.? Что за курсъ, во сколько лѣтъ? Что значитъ если школа имѣетъ менѣе пяти десятинъ? Наконецъ, о какой, это второклассной школѣ упоминается въ концѣ?

Но тутъ допустима догадка: дѣло идетъ, вѣрно, о двухклассномъ училищѣ, которое нужно обязательно окончить, чтобы поступить въ учительскую школу. На основаніи этого дѣлаемъ еще одну догадку: новыя школы-семинаріи, позволяю себѣ ихъ назвать, будутъ, очевидно, съ четырехгодичнымъ курсомъ, причемъ въ послѣдніе три года въ нихъ предполагается, кромѣ обязательныхъ для педагога предметовъ, проходимыхъ въ учительскихъ семинаріяхъ, пройти «во всемъ объемѣ» (?!) курсъ сельскаго хозяйства теоретически и практически.

Изъ этого дѣлаемъ выводъ, что ни педагогики, ни сельскаго хозяйства будущіе питомцы сихъ диковинныхъ школъ знать не будутъ. Къ чему, право, все это дѣлается? Кто, наконецъ, будетъ руководить этими школами? И какіе будутъ въ нихъ преподаватели, откуда ихъ возьмутъ?

Эти вопросы вовсе не праздны, они существенно важны. Сама по себѣ идея научить будущаго учителя начальной школы разумному сельскому хозяйству очень симпатична и заслуживаетъ серьезнаго вниманія; но у нашего духовнаго вѣдомства до сихъ поръ не было болѣе или менѣе сносныхъ преподавателей для начальной школы, откуда-же оно возьметъ преподавателей по предметамъ сельскаго хозяйства и изъ какихъ средствъ будетъ ихъ оплачивать? Неужели и съ учительскими школами будетъ то-же самое, что съ церковно-приходскими?

Каковы были эти школы и въ какомъ состояніи онѣ находятся въ настоящее время, я позволю себѣ разсказать объ этомъ ниже, какъ человѣкъ, объѣздившій ихъ не мало въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ Юго-Западномъ краѣ и въ Херсонской губерніи, а теперь, заговоривъ о церковно-учительскихъ школахъ, не могу пройти молчаніемъ новыя правила о педагогическихъ курсахъ для подготовленія учителей и учительницъ начальныхъ училищъ, изданныя министромъ народнаго просвѣщенія.

Эти правила опубликованы въ газетахъ тѣмъ-же «Освѣдомительнымъ бюро» 9-го августа сего года.

(Окончаніе будетъ.)

Первѣйшій русскій парламентъ.

(По манифесту 14-го декабря 1766 года.)

Очеркъ Ип. Нестроева.

I.

Послѣ извѣстной дворцовой революціи 1762 г.—«устраненія Петра III», въ убійствѣ котораго главную роль играли Орловы, Алексѣй и Григорій (фаворитъ Екатерины), принцесса Софія-Августа Фредерика, именовавшаяся въ супружествѣ съ Петромъ III великой княгиней Екатериной Алексѣевной, стала россійской императрицей Екатериной II.

Правда, былъ живой наслѣдникъ престола Павелъ Петровичъ, который и долженъ былъ вступить на престолъ подъ регентствомъ «верховниковъ», какъ это было при Екатеринѣ I (Марта Скавронская, послѣдняя жена Петра I), но Павелъ былъ устраненъ Екатериной, которая, еще будучи великой княгиней, обѣщала не править самодержавно.

Время шло, и, согласно теченію времени, росли толки по поводу убійства Петра III и «чудеснаго» восшествія Екатерины... Ея обѣщаніе «не править самодержавно» не исполнялось. Вмѣстѣ съ тѣмъ подоспѣло еще одно «екатерининское устраненіе»,—именно убійство несчастнѣйшаго изъ людей, императора Іоанна Антоновича... Всевозможные пересуды и толки, несмотря на то, что это послѣднее цареубійство было очень дипломатично и таинственно обставлено, должны были усилиться. Будущіе верховники (члены верховнаго совѣта) должны были настаивать на своихъ будущихъ прерогативахъ. Но Екатерина ловко обошла со своими фаворитами аппетиты кандидатовъ въ «верховники». Она издала манифестъ, который дѣйствительно долженъ былъ успокоить всѣ и всякія души. Она издала манифестъ о народномъ представительствѣ, рѣшивъ созвать «комиссію для составленія новаго Уложенія» и написавъ для нея свой «Наказъ».

Сейчасъ мы увидимъ, что это была за «комиссія».

II.

Всѣмъ извѣстно, что въ описываемое время власти россійскія отличались полнымъ нравственнымъ убожествомъ. Безсудность, казнокрадство и разоръ,—вотъ картина провинціальной жизни... Вмѣстѣ съ тѣмъ Екатерина знала изъ предыдущихъ царствованій и частыхъ дворцовыхъ переворотовъ, что тронъ россійской державы былъ въ то время очень шатокъ и надо было его укрѣпить. Она знала, что надо что-нибудь сдѣлать и для Россіи во внутреннемъ ея управленіи, такъ какъ армія недовольныхъ все усиливалась и усиливалась и доходило даже до того, что солдаты послѣ Прусской войны (Елизавета Петровна)

не пожелали возвратиться на родину, найдя свое второе отечество на чужбинѣ!.. Она знала, что крестьяне все болѣе и болѣе убѣгаютъ и за границу, и въ лѣса, гдѣ организуютъ разбойничьи шайки и разоряютъ цѣлые города и села... Она знала, что, несмотря на крѣпостное право, народъ можетъ возстать, лишь только найдетъ какой-либо предлогъ, хоть какого-либо, даже глупаго, вождя (впослѣдствіи такъ и случилось: и глупый предлогъ, и глупый вождь—Емельянъ Пугачевъ, безграмотный, наглый мужикъ). Наконецъ, Екатерина знала, что надо отвлечь вниманіе народа и общества отъ «навязчивыхъ» идей, отъ преступныхъ мыслей въ другую сторону. Войны, которая отлично въ этихъ случаяхъ дѣйствуетъ, не предвидѣлось пока... А, межъ тѣмъ, Россія безконтрольно разорялась, самовластіе и самодержавіе самозванныхъ самодержцевъ-воеводъ (губернаторовъ) и другихъ властей переходили всякую мѣру; чиновники грабили народъ; кое-гдѣ появлялась своего рода интеллигенція, которая читала великихъ тогда писателей Запада... Зловѣщіе признаки!

Екатерина сама, будучи еще великой княгиней, увлекалась ученіями великихъ философовъ и—по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ идей Монтескье—задумала было выдти изъ критическаго положенія и облагодѣтельствовать Россію. И вотъ она издала свой знаменитый «Наказъ» и рѣшила собрать—назовемъ такъ—«государственную думу», созвать народныхъ представителей, собрать парламентъ, т. е., свершить то, о чемъ у насъ, на матушкѣ Руси, до послѣднихъ лѣтъ только что истекшаго столѣтія и думать, и писать было строжайше запрещено,—до того это все казалось либеральнымъ и, съ точки зрѣнія властей, клонилось къ подрыванію «основъ».

Мало кто знаетъ и теперь о засѣданіяхъ «Перваго русскаго парламента», т. е., комиссіи по «народному представительству» екатерининскаго времени, а, между тѣмъ, это, особенно-же въ данное время, представляетъ изъ ряда вонъ выходящій интересъ. Засѣданія «комиссіи по народному представительству», главнымъ-же образомъ, рѣчи нѣкоторыхъ ораторовъ (депутатовъ) до того важны, содержательны и цѣлесообразны, что отъ этихъ либераловъ позапрошлаго вѣка не грѣхъ поучиться кое-кому и кое-чему изъ нынѣшнихъ нашихъ депутатовъ.

Интересны мысли, интересны взгляды, развитіе этихъ давно умершихъ депутатовъ съ ихъ, казалось, уже умершими рѣчами... Но нѣтъ! Посмотрите, какъ близки, какъ родственны ихъ волненія намъ и теперь... Это только доказываетъ, какъ долго, какъ безжалостно, а главное понапрасну, томилась Русь въ темнотѣ!.. Боже мой! Куда-бы «шагнула» Россія, если-бы «та дума» не была «разогнана»...

Въ манифестѣ говорилось объ этомъ парламентѣ:

«*Комиссія новаго уложенія о собраніи представителей Россіи, кои созывались для составленія новаго законодательства*» (*Манифестъ 1766 г. 14 дек.*).

«*О призывѣ выборныхъ людей, кои снабжены были наставленіями отъ своихъ избирателей*».

Екатерина добавляла, что желаетъ выработать съ депутатами «*такой укладъ жизни, отъ котораго могла-бы видѣть моихъ подданныхъ столь счастливыми и довольными,*

сколь далеко человѣческое счастье на землѣ можетъ простираться».

Господи! что за прелестныя слова!.. Нечего и говорить о томъ, что этотъ манифестъ былъ принятъ всей Имперіей съ полнымъ, великимъ восторгомъ! И, конечно, конечно, всѣ тяжкія мысли, всѣ навязчивыя думы отошли прочь!.. И народъ, и интеллигентное общество сосредоточились на однѣхъ только мысляхъ о несказанномъ... дѣйствительно несказанномъ счастьѣ!

Извиняясь, долженъ оговориться, что, пользуясь удѣленнымъ мнѣ мѣстомъ для статьи, вынужденъ быть кратокъ въ описаніи засѣданій «комиссіи»,—вѣрнѣе: изъ рѣчей депутатовъ приходится брать самое существенное... Долженъ сказать еще вскользь, что всѣ протоколы занятій этой «комиссіи» и всѣ касающіеся ея документы были запрятаны властями, по русскому (освященному временемъ?) обычаю, подъ сукно и здѣсь, въ этомъ истинно-русскомъ мѣстѣ, эти важные документы пролежали болѣе ста лѣтъ! Доступъ къ нимъ сдѣлался еле-еле возможнымъ лишь въ концѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, да и то избраннымъ. Да и теперь—нечего грѣха таить—въ архивы Императорскаго историческаго общества допускаютъ далеко не всѣхъ.

Засѣданія «комиссіи» открылись въ первопрестольной Москвѣ. Первое засѣданіе открыла Екатерина.

Всѣхъ депутатовъ было 531 человѣкъ. Изъ нихъ: дворянъ—160; представителей казенныхъ учрежденій—28, горожанъ—207; казаковъ—54; поселянъ—78 (всѣ перечисленные—православные); иновѣрцевъ—32.

Въ число иновѣрцевъ евреи не входили (да и слишкомъ мало было ихъ въ то время). Крѣпостные люди (которыхъ, конечно, было больше всего) лишены были возможности представительствовать, что, впрочемъ, не мѣшало ораторамъ пытаться облегчить ихъ участь. Духовенство также не было допущено въ парламентъ.

«Наказъ», изданный, главнымъ образомъ, для руководства депутатовъ, заключалъ въ себѣ 90 страницъ и читался подрядъ всѣ семь первыхъ засѣданій (безъ дебатовъ). Кромѣ того, велѣно было его читать каждый мѣсяцъ.

Программа обсужденія, переходить которую было нельзя, въ нѣкоторыхъ случаяхъ была ретроградного свойства, въ другихъ-же шла далѣе желаній даже самыхъ либеральныхъ депутатовъ того времени. «Наказъ Екатерины», какъ говорилось, былъ навѣянъ ученіями писателей XVIII вѣка и составленъ на основаніи исключительно теоріи существовавшаго управленія Запада.

Въ «Наказѣ» приводилась мысль Монтескье:

«Законоположеніе должно примѣняться къ народнымъ умствованіямъ, ибо мы ничего лучше не дѣлаемъ, какъ то, что мы дѣлаемъ вольно, слѣдуя природной нашей склонности».

Эта великая и благая мысль получила въ Наказѣ-же Екатерины грубое противорѣчіе:

Во-первыхъ, Наказъ ставилъ извѣстныя рамки для обсужденія (программы обсужденія); во-вторыхъ, обсужденію подлежали только тѣ вопросы, которые предлагалъ «маршалъ» (пред-

сѣдатель"; члены-же комиссіи не имѣли права возбуждать вопросовъ.

Однако, несмотря на это, «комиссіи» предстоялъ колоссальный трудъ (отсюда можно заключить было, какъ велика нужда въ реформахъ еще въ то отдаленное время): всѣхъ предложеній отъ населенія депутатами было представлено 1.264. Эти предложенія тоже назывались «наказами».

Первоначально на постъ предсѣдателя были «предложены» оба брата Орловы и Чернышевъ, но они «поскромничали»: они, «за множествомъ занятій», отказались отъ столь почетнаго фигурированія въ парламентѣ, и прототипомъ нашихъ Муромцева и Головина явился Александръ Ильичъ Бибиковъ. Это былъ человѣкъ рѣдкій по тому времени, а именно, вслѣдствіе своей безукоризненной честности. Онъ былъ славный и храбрый генералъ и отчасти даже либералъ (впослѣдствіи онъ оффиціально доказывалъ, что Пугачевскій бунтъ есть революція*). Но, къ сожалѣнію, онъ былъ совершенно незнакомъ съ правомъ и не мало-таки напуталъ вовремя своего предсѣдательствованія...

Прежде всего, послѣ семидневнаго чтенія «наказа» Екатерины, стали читать наказы крестьянскіе, но они, по всей вѣроятности, вскорѣ надоѣли и, не дочитавъ ихъ, «высокое собраніе» перешло къ вопросу о правахъ дворянъ, здѣсь-то и произошли болѣе жаркія пренія.

Необходимо замѣтить, что дворянство представляло въ «комиссіи»—помѣщиковъ наиболѣе богатыхъ и важныхъ чиновныхъ лицъ: поручикъ Коробьинъ (см. ниже) и ему подобные составляли исключенія. Города-же избѣгали посылать дворянъ; такъ, напримѣръ, великорусскіе города выслали исключительно купцовъ. Малорусскіе города выбрали казаковъ, писарей отъ войскъ (разумѣется, это было до уничтоженія «либеральной» императрицей вольнаго малорусскаго казачества—Запорожской Сѣчи). Села и станицы войска Донского выслали депутатовъ исключительно изъ своей-же среды. Вопросы рѣшались большинствомъ голосовъ, и перевѣсъ всегда оставался не за дворянами, а за низшими сословіями, представителей которыхъ, впрочемъ, было 371 противъ 160 дворянъ, а такъ какъ правительство было исключительно дворянское, то, такимъ образомъ, и «первѣйшая дума» какъ-бы становилась сразу въ оппозицію съ правительствомъ.

О дворянахъ-же слѣдуетъ сказать, что они относились холодно къ дѣлу и чаще молчали, чѣмъ говорили. Руководящіе-же люди, и въ томъ числѣ прототипъ Головина, не знали, что собственно надо дѣлать, и собранія нерѣдко велись и безъ системы, и безъ порядка, и безъ послѣдовательности. (А еще говорятъ, что исторія не повторяется!)

На засѣданіяхъ особенно выдѣлился дворянинъ, поручикъ Григорій Коробьинъ. Онъ горячо и чистосердечно ратовалъ въ защиту крѣпостныхъ крестьянъ.

---

*) Онъ говорилъ въ Казани, въ дворянскомъ собраніи, по поводу «Пугачевщины»: «Это—бунтъ бѣдныхъ противъ богатыхъ». Этотъ умный генералъ писалъ императрицѣ: «Не Пугачевъ важенъ, а важно общее народное негодованіе». (Въ 1774 г.)

Согласно программѣ «Наказа», онъ не могъ требовать освобожденія, но, елико возможно, старался облегчить участь крестьянъ. Онъ требовалъ: точно опредѣлить законы о повинностяхъ и признать право крестьянъ на собственность. Особенно разумно онъ говорилъ по вопросу о бѣгствѣ крестьянъ отъ помѣщиковъ за границу, въ лѣса, въ города, въ разбойники, въ казаки... Вотъ выдержки изъ его горячей рѣчи:

«Не могу войти въ такія мысли, чтобы увѣрить себя, что одни только крестьяне были причиною своего бѣгства, чего ради долженъ бываю посмотрѣть на самихъ помѣщиковъ, какъ они поступаютъ съ ними?!»

Говоря о насиліи и разныхъ ужасахъ, чинимыхъ крестьянству со стороны нѣкоторыхъ помѣщиковъ, онъ говорилъ:

«Но ежели все сіе безпристрастно разсмотримъ, увидимъ ясно, что сіе угрожаетъ разореніемъ цѣлому государству, ибо тогда только процвѣтаетъ или въ силѣ находится общество, когда составляющіе его члены всѣ довольны. Отъ сего ихъ спокойствіе, отъ сего и духъ, къ защищенію своего отечества распаляющійся, происходитъ. Но какъ извѣстно, что земледѣльцы суть душа общества, слѣдовательно, когда въ изнуреніи пребываетъ душа общества, тогда и самое общество слабѣетъ. Разоряя крестьянъ, разоряются и всѣ прочіе въ государствѣ».

И далѣе — афоризмъ изъ его рѣчи, на который слѣдуетъ, пожалуй, обратить вниманіе нашимъ современникамъ, «сторонникамъ національзаціи земли»:

«Земледѣлія нѣтъ ничего полезнѣе въ государствѣ. Въ томъ обществѣ земледѣліе весьма въ худомъ состояніи находится, гдѣ крестьяне не признаютъ за свое собственное».

Горячимъ защитникомъ крестьянства явился и маіоръ Яковъ Козельскій, сказавшій: «Какъ крестьянину быть доброправну, когда ему не остается никакого средства быть такимъ? Въ насиліи онъ принужденъ и себѣ не доброхотствовать, а отъ того и пьянствовать, будучи въ уныніи, а не отъ лѣни».

Депутатъ крестьянинъ Чупровъ поддерживалъ Коробьина и Козельскаго.

Князь Щербатовъ (тотъ самый, который оставилъ историческія записки) указывалъ въ своей рѣчи на важную роль дворянства, какъ слугъ отечества и какъ поддержку государства.

Но онъ встрѣтилъ отпоръ.

Крестьянинъ Чупровъ возразилъ ему: «И всякаго званія люди во всемъ государствѣ не безъ порученныхъ дѣлъ остаются, за кѣмъ какая должность состоитъ. Чаю, что по возможности своей и все оправляютъ».

Сановный кн. Щербатовъ произнесъ рѣчь, возвышая дворянство, и требовалъ возможно большого затрудненія доступа къ этому высокому сословію за служебныя заслуги.

Князю оппонировалъ терской казакъ Никита Мироновъ. «Достоинство дворянское не рождается отъ природы, но пріобрѣтаться должно добродѣтелью и заслугами отечеству своему. Могутъ-ли господа россійскіе дворяне сказать о своихъ пред-

кахъ, что всѣ они родились отъ дворянъ *)? Полагаю, что въ Россіи болѣе найдется такихъ, кои за воинскія дѣла и другія добродѣтели получили сіе достоинство. Да и въ военной службѣ одни-ли дворяне защищаютъ свое отечество? Конечно, нѣтъ! Какъ предки ихъ, такъ и въ новѣйшее время, въ Прусскую войну, не съ ними-ли и другіе вѣнчались тою-же кровью?.. Такъ-же и впредь, ежели паче чаянія—отъ чего Боже сохрани!—возникнетъ гдѣ-либо отъ непріятеля война, то одни-ли дворяне будутъ защищать государство? Не съ ними-ли будутъ люди всякаго званія? И послѣднихъ будетъ еще больше, чѣмъ дворянъ! Если-же вышедшимъ вѣрною службою не изъ дворянъ въ оберъ-офицерскіе чины не будетъ дано дворянство, то какое-же будетъ для нихъ поощреніе въ службѣ?»

Депутаты, защищая права низшихъ и среднихъ классовъ населенія, мало-по-малу, какъ видно и изъ предыдущихъ рѣчей, приближались къ вопросу объ уравненіи правъ...

Опасныя слова! неизвѣстно, до чего довела-бы эта «комиссія», но... войска были двинуты на югъ, драться съ турками. И, благодаря этому предлогу, «паче чаянія, отъ чего Боже сохрани», какъ сказалъ депутатъ Мироновъ, засѣданія «комиссіи» были прерваны... на извѣстный періодъ времени: депутаты были распущены по домамъ и для «защищенія отечества»... Депутаты были распущены... и никогда ужъ болѣе не созывались—вплоть до нашего времени!

И народъ, и вся Россія были повергнуты въ прежнюю темноту нравственную и духовную, въ царство жестокости, варварства, царство мошенническаго самовластія, предательства, въ царство самыхъ грубыхъ и гнусныхъ инстинктовъ,—туда, откуда хотѣлъ вывести русскій народъ Александръ II, откуда выводитъ его царствующій императоръ Николай Александровичъ...

Россія, такимъ образомъ, была повергнута съ дороги прогресса во тьму и беззаконіе на цѣлое лишнее столѣтіе, да еще съ десятками!

Отданный во власть нравственному банкротству и беззаконному самовластію русскій народъ при Екатеринѣ ожилъ было надеждой на лучшее будущее. Царствовавшій эгоизмъ даже у нѣкоторыхъ завзятыхъ крѣпостниковъ началъ было замѣняться братскими чувствами... Окружающимъ Екатерину «орламъ» это не могло нравиться: предстоявшая имъ перспектива нанесла-бы этимъ животнымъ чувствительный ударъ. Опору-же для себя Екатерина видѣла только въ окружающихъ ее: имъ она была обязана своимъ «чудеснымъ восшествіемъ». Ея память не измѣнила ей по поводу предыдущихъ отверженій... Эгоизмъ Екатерины взялъ верхъ. Претенденты были устранены, тронъ стоялъ крѣпко!—объ этомъ и была забота ея и ея фаворитовъ. Судьба благопріятствовала ей: найденъ предлогъ къ войнѣ... Война была побѣдоноснѣйшая!.. «Комиссія», которая угрожала породить то, что на французско-нижегородскомъ нарѣчіи называется «безпокойнымъ элементомъ», была уничтожена: ея бумаги были арестованы и великолѣпно запря-

*) „Экъ! Куда метнулъ!“—какъ сказалъ-бы незабвенный городничій Сквозникъ-Дмухановскій.

таны подъ сукно. Русскій народъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ... Его мысли отлетѣли на театръ военныхъ дѣйствій и «громъ побѣды раздавался!»..

«Веселися, храбрый Россъ!»..

III.

Эта «комиссія» стала притчей во языцѣхъ.

Имѣя въ виду описываемую тяжкую эпоху, когда не только простой народъ, крестьяне, но и средній классъ задыхался отъ темноты мошеннической сѣти предательскаго самовластія; когда никто въ Россіи не могъ добиться своего безъ взятокъ въ судахъ; когда всѣ и всякіе чиновники имѣли въ виду не казенное жалованье, а, не стѣсняясь, громко спрашивали: «а каковы доходы?», и когда всѣ низшіе инстинкты въ своемъ развитіи доходили до своего апогея, принимая уже права гражданства,— можно себѣ представить, какъ весь народъ ждалъ, жадно ждалъ хотя маленькаго луча свѣта правды въ эту темную клоаку всероссійскаго запустѣнія!

И вотъ вздрогнулъ русскій народъ: отжившіе (но и то не исполнявшіеся) законы самъ народъ призывался замѣнить новыми, честными, счастливыми... Комиссія!

Какой остроумный и вмѣстѣ съ тѣмъ безжалостно грубый фарсъ!..

Послѣ неожиданнаго прекращенія этой пресловутой «комиссіи» народъ со своими далеко залетѣвшими мыслями упалъ какъ-бы съ неба въ грязь.

А само слово «комиссія» получило совсѣмъ другое значеніе, не то ироніи, не то чего-то тяжелаго, труднаго, неисполнимаго, иногда-же просто значеніе наказанія... Обрадовавшіеся кулаки, крѣпостники вновь воспрянули духомъ и, успокоенные, приговаривали: «мы вамъ покажемъ комиссію!». И для массы слово «комиссія» долго-долго имѣла значеніе несчастья, неудачи. Когда что-либо не удавалось, были плохія дѣла, неудачи, говорили: «ну, комиссія!». Когда случалось горе, говорили: «что за комиссія?!» (что за комиссія, Создатель!) и т. п.

Но что было, то быльемъ поросло!.. Ну, подождали немного, что-же изъ этого?.. Вѣдь, привыкла ждать долготерпѣливая Русь... Эка штука подождать какую сотню слишкомъ лѣтъ!

Зато дождались... Развѣ мы не имѣемъ теперь народнаго представительства?—спросите Пуришкевича и Крушевана...

Дождались!

О! Теперь мы вздохнемъ свободно...

Веселись-же, храбрый Россъ!

Положеніе о выборахъ въ государственную думу.

(Окончаніе.)

14. Казанская губернія.

Казанскій уѣздъ—200, Козьмодемьянскій—175, Лаишевскій—200, Мамадышскій—200, Свіяжскій—200, Спасскій—200, Тетюшскій—200, Царевококшайскій—175, Цивильскій—200, Чебоксарскій—175, Чистопольскій—200, Ядринскій—200.

15. Калужская губернія.

Калужскій уѣздъ—200, Боровскій—200, Жиздринскій — 250, Козельскій—200, Лихвинскій—200, Малоярославецкій—200, Медынскій — 250, Мещовскій — 200, Мосальскій—225, Перемышльскій—200, Тарусскій—200.

16. Кіевская губернія.

Кіевскій уѣздъ--200, Бердичевскій—125, Васильковскій—150, Звенигородскій — 100, Каневскій — 100, Липовецкій — 150, Радомысльскій—300, Сквирскій—125, Таращанскій—150, Уманскій—125, Черкасскій—125, Чигиринскій--125.

17. Ковенская губернія.

Для всѣхъ уѣздовъ—200.

18. Костромская губернія.

Костромской уѣздъ—250, Буйскій—350, Варнавинскій—350, Ветлужскій—350, Галичскій—350, Кинешемскій—250, Кологривскій—350, Макарьевскій—325, Нерехтскій—225, Солигаличскій—350, Чухломскій—325, Юрьевецкій—250.

19. Курляндская губернія.

Добленскій уѣздъ—125, Баускій—170, Виндавскій—270, Газенпотскій—200, Гольдингенскій—200, Гробинскій—175, Иллукстскій—175, Тальсенскій—200, Туккумскій—180, Фридрихштадтскій—200.

20. Курская губернія.

Курскій уѣздъ—150, Бѣлгородскій—175, Грайворонскій—175, Дмитріевскій—200, Корочанскій—150, Льговскій—175, Новооскольскій — 150, Обоянскій — 150, Путивльскій — 175, Рыльскій—175, Старооскольскій—150, Суджанскій—150, Тимскій—150, Фатежскій—150, Щигровскій—125.

21. Лифляндская губернія.

Рижскій уѣздъ—200, Валкскій—300, Венденскій—300, Верроскій—300, Вольмарскій—200, Перновскій—300, Юрьевскій—200 Эзельскій—300, Феллинскій—200.

22. Минская губернія.

Минскій уѣздъ — 300, Бобруйскій — 400, Борисовскій — 400, Игуменскій—400, Мозырскій—600, Новогрудскій—300, Пинскій—400, Рѣчицкій—400, Слуцкій—300.

23. Могилевская губернія.

Для всѣхъ уѣздовъ—250.

24. Московская губернія.

Московскій уѣздъ—200, Богородскій—175, Бронницкій—200, Верейскій—200, Волоколамскій—200, Дмитровскій—200, Звенигородскій—200, Клинскій—200, Коломенскій—200, Можайскій—200, Подольскій—200, Рузскій—200, Серпуховскій—200.

25. Нижегородская губернія.

Нижегородскій уѣздъ—250, Ардатовскій—250, Арзамасскій—250, Балахнинскій—225, Васильсурскій;—часть уѣзда по правой стронѣ рѣки Волги—225,—остальная часть уѣзда—325, Горбатовскій—250, Княгининскій—250, Лукояновскій—200, Макарьевскій: часть уѣзда по правой сторонѣ рѣки Волги—250,—остальная часть уѣзда—350, Семеновскій—300, Сергачскій—200.

26. Новгородская губернія.

Новгородскій уѣздъ—300, Боровичскій—300, Бѣлозерскій—400, Валдайскій—300, Демьянскій—300, Кирилловскій—300, Крестецкій—300, Старорусскій—300, Устюженскій—300, Череповецкій—300.

27. Олонецкая губернія.

Петрозаводскій уѣздъ—475, Вытегорскій—425, Каргопольскій—400, Лодейнопольскій—400, Олонецкій—350, Повѣнецкій—400, Пудожскій—475.

28. Оренбургская губернія.

Оренбургскій уѣздъ—475, Верхнеуральскій—350, Орскій—474, Троицкій—350, Челябинскій—350.

29. Орловская губернія.

Орловскій уѣздъ—150, Болховскій—200, Брянскій—250, Дмитріевскій—250, Елецкій—125, Карачевскій—225, Кромскій—175, Ливенскій—125, Малоархангельскій—125, Мценскій—175, Сѣвскій—225, Трубчевскій—250.

30 Пензенская губернія.

Пензенскій уѣздъ—175, Городищенскій—250, Инсарскій—175, Керенскій—175, Краснослободскій—200, Мокшанскій—175, Наровчатскій—175, Нижнеломовскій—175, Саранскій—175, Чембарскій—175.

31. Пермская губернія.

Пермскій уѣздъ—300, Верхотурскій—475, Екатеринбургскій—300, Ирбитскій—350, Камышловскій—350, Красноуфимскій—

350, Кунгурскій—300, Осинскій—350, Оханскій—350, Соликамскій—475, Чердынскій—350, Шадринскій—350.

32. Подольская губернія.

Для всѣхъ уѣздовъ—150.

33. Полтавская губернія.

Полтавскій уѣздъ—150, Гадячскій—150, Золотоношскій—150, Зеньковскій—150, Кобелякскій—150, Константиноградскій—200, Кременчугскій—150, Лохвицкій—150, Лубинскій—150, Миргородскій—150, Переяславскій—200, Пирятинскій—150, Прилукскій—Роменскій—150, Хорольскій—150.

34. Псковская губернія.

Псковскій уѣздъ—225, Великолуцкій—225, Новоржевскій—300, Опочецкій—300, Островскій—300, Порховскій—275, Торопецскій—300, Холмскій—300.

35. Рязанская губернія.

Рязанскій уѣздъ: часть уѣзда по правой сторонѣ рѣки Оки—125, остальная часть уѣзда—175, Данковскій—150, Егорьевскій—200, Зарайскій—200, Касимовскій—200, Михайловскій—150, Пронскій—175, Раненбургскій—150, Ряжскій—175, Сапожковскій—175, Скопинскій—150, Спасскій: часть уѣзда, расположенная между рѣками Окою и Парою—175, остальная часть уѣзда—200.

36. Самарская губернія.

Самарскій уѣздъ—300, Бугульминскій—350, Бугурусланскій—350, Бузулукскій—350, Николаевскій—475, Новоузенскій—550, Ставропольскій—250.

37. С.-Петербургская губернія.

Петербургскій уѣздъ: часть уѣзда, отстоящая не далѣе 25 верстъ отъ столицы,—175, остальная часть уѣзда—225, Гдовскій—275, Лужскій—275, Новоладожскій—275, Петергофскій: часть уѣзда, отстоящая не далѣе 25 верстъ отъ столицы,—175, остальная часть уѣзда—225, Царкосельскій: часть уѣзда, отстоящая не далѣе 25 верстъ отъ столицы,—175, остальная часть уѣзда—225, Шлиссельбургскій: часть уѣзда, отстоящая не далѣе 25 верстъ отъ столицы,—175, остальная часть уѣзда—200. Ямбургскій—200.

38. Саратовская губернія.

Саратовскій уѣздъ—200, Аткарскій—250, Балашовскій—200, Вольскій—250, Камышинскій—250, Кузнецкій—250, Петровскій—200, Сердобскій—175, Хвалынскій—250, Царицынскій—400.

39. Симбирская губернія.

Симбирскій—250, Алатырскій—200, Ардатовскій—200, Буинскій—250, Корсунскій—250, Курмышскій—200, Сенгилеевскій—250, Сызранскій—250.

40. Смоленская губернія.

Смоленскій уѣздъ—225, Бѣльскій—225, Вяземскій—250, Гжатскій—250, Дорогобужскій—250, Духовщинскій—250, Ельнинскій—250, Краснинскій—250, Порѣчскій—225, Рославскій—225, Сычевскій—250, Юхновскій—225.

41. Ставропольская губернія.

Ставропольскій уѣздъ—320, Александровскій — 510, Благодаринскій—650, Медвѣженскій—340, Прасковейскій—650.

42. Таврическая губернія.

Симферопольскій уѣздъ: горныя части уѣзда до черты, опредѣленной Выс. утв. 5-го мая 1835 г. пол. ком. мин. (п. с. з. № 8114)—175, остальная часть уѣзда—425, Бердянскій—200, Днѣпровскій—425, Евпаторійскій—250, Мелитопольскій—300, Перекопскій—250, Ялтинскій уѣздъ: южная часть уѣзда, расположенная между моремъ и шоссейною дорогою отъ Алушты до Байдарскихъ воротъ,—25, остальная часть уѣзда—100, Ѳеодосійскій уѣздъ: горныя части уѣзда до черты, опредѣленной Выс. утв. 5-го мая 1835 г. пол. ком. мин. (п. с. з. № 8114)—200, остальная часть уѣзда—475.

43. Тамбовская губернія.

Тамбовскій уѣздъ—150, Борисоглѣбскій—150, Елатомскій—175, Кирсановскій—150, Козловскій—125, Лебедянскій—150, Липецкій—150, Моршанскій—175, Спасскій—200, Темниковскій—200, Усманскій—125, Шацкій—200.

44. Тверская губернія.

Тверской уѣздъ—225, Бѣжецкій—225, Весьегонскій—225, Вышневолоцкій—225, Зубцовскій—250, Калязинскій—225, Кашинскій—200, Корчевскій—225, Новоторжскій—225, Осташковскій—225, Ржевскій—250, Старицкій—250.

45. Тульская губернія.

Тульскій уѣздъ—200, Алексинскій—200, Богородицкій—150, Бѣлевскій—200, Веневскій—175, Епифанскій—150, Ефремовскій—125, Каширскій—200, Крапивенскій—150, Новосильскій—125, Одоевскій—175, Чернскій—150.

46. Уфимская губернія.

Уфимскій уѣздъ—250, Белебеевскій—350, Бирскій—350, Златоустовскій—350, Мензелинскій—250, Стерлитамакскій—350.

47. Харьковская губернія.

Харьковскій уѣздъ—150, Ахтырскій—150, Богодуховскій—150, Валковскій—150, Волчанскій—200, Зміевскій—250, Изюмскій—250, Купянскій—250, Лебединскій—125, Старобѣльскій—250, Сумскій—125.

48. Херсонская губернія.

Херсонскій уѣздъ: часть уѣзда, отстоящая не далѣе 25 верстъ отъ городовъ Херсона и Николаева,—200, остальная часть уѣзда—350. Одесскій: часть уѣзда, отстоящая не далѣе 25 верстъ отъ города Одессы,—200, остальная часть уѣзда—350, Тираспольскій—250.

49. Черниговская губернія.

Черниговскій уѣздъ—200, Борзненскій—150, Глуховскій—200, Городнянскій—200, Козелецкій—200, Конотопскій — 150, Кролевецкій—200, Мглинскій—250, Новгородсѣверскій—250, Новозыбковскій—250, Нѣжинскій—150, Остерскій—225, Сосницкій — 250, Стародубскій—200, Суражскій—225.

50. Эстляндская губернія.

Ревельскій уѣздъ:—250, Везенбергскій—250, Вейсенштейнскій—200, Гапсальскій—300.

51. Ярославская губернія.

Ярославскій уѣздъ—250, Даниловскій—250, Любимскій—250, Мологскій—225, Мышкинскій—200, Пошехонскій—350, Романово-Борисоглѣбскій—225, Ростовскій—225, Рыбинскій — 225, Угличскій—225.

52. Тобольская губернія.

Тобольскій уѣздъ—475, Тюменскій—475, Ялуторовскій—475, Тюкалинскій—475, Тарскій—475, Туринскій—475, Березовскій—475,—Сургутскій—475, Курганскій—300, Ишимскій—300.

53. Томская губернія.

Для всѣхъ уѣздовъ—300.

Подписалъ: Предсѣдатель совѣта министровъ *Столыпинъ.*

Районная

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предъ третьей думой. (Иллюстрація момента.) . . . 3
Какъ-будто отрезвленіе. Статья *Н. Кононова.* . . . 7
На новомъ пути. Стих. *А. Лавскаго.* 12
Довольно крови. Статья *Н. Владимірова.* 13
Капли крови. Стих. *Ив. Юрченко* 22
Жизнь и дѣятельность партій. 23
Правительство и студенты. Статья *Н. В. Сосницкаго.* 35
Молодежи. Стих. *Осипа Кудина.* 41
Доходная статья—народное горе. Статья *В. А. Пинчука.* (Окончаніе.) 42
Хуторское хозяйство. Статья *Н. В. Алексѣева.* . . . 48
Политика и культура. Статья Arboreus'a. 55
Откуда взять народныхъ богатырей мысли. Статья *В. Андреева.* 60
Первѣйшій русскій парламентъ. Очеркъ *Ип. Нестроева* 68
Избирательный законъ 3-го іюня 1907 г. (Окончаніе.) 63
Оглавленіе. 80